

Аюсингда Райли Тарри Уитмакер

Финал легендарного цикла «Семь сестер»

АТЛАС

★ ИСТОРИЯ ПА СОЛТА ★

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

**Семь сестер. Атлас.
История Па Солта**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Атлас. История Па Солта / Л. Райли — «Эксмо», 2022 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-249541-0

ФИНАЛ ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА «СЕМЬ СЕСТЕР»! «Атлас. История Па Солта» – восьмая и заключительная часть знаменитой саги Люсинды Райли о сестрах, носящих имена в честь созвездия Плеяд. 1928 год, Париж. Добрая и состоятельная семья знаменитого скульптора находит у себя во дворе мальчика. Он замкнутый, но не по годам развитый и талантливый ребенок. Мальчик обретает свое место в новом доме, а семья Ландовски дает ему жизнь, о которой он и не мог мечтать. Только вот ребенок отказывается произнести хоть слово. Вся его связь с миром – дневниковые записи. Мальчик растет, посещает занятия по классу скрипки в Парижской консерватории, и ужасы прошлого почти забываются. Но в глубине души он знает, что придет время, когда ему снова придется бежать. 2008 год, Эгейское море. Семь сестер впервые собрались вместе на борту «Титана», чтобы попрощаться с загадочным отцом, которого они так нежно любили. Ко всеобщему удивлению, именно потерянной сестре Па Солт решил доверить ключ к их прошлому. Сестры должны смириться с мыслью, что их обожаемый отец был кем-то, кого они едва знали, а его секреты могут повлиять на их будущее. «Душераздирающий, воодушевляющий и совершенно захватывающий роман. Цикл "Семь сестер" – это пик мастерства Люсинды Райли. Она – волшебная рассказчица, создающая персонажей, в которых мы влюбляемся, и они остаются с нами еще очень долго после того, как мы заканчиваем читать». – Люси Фоли «Эпическая история о любви, потерях и открытиях». – My Weekly «Атмосферное, эмоциональное, многослойное произведение». – Grazia «Охватывающий разные континенты и десятилетия, это убедительный роман эпического масштаба». – Sunday Express «Поистине волшебное приключение». – Woman's World Magazine

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-249541-0

© Райли Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Дневник Атласа	10
Мерри	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Люсинда Райли, Гарри Уиттакер

Семь сестер. Атлас. История Па Солта

Lucinda Riley and Harry Whittaker
Atlas (The Story of Pa Salt)

© Lucinda Riley, 2022

© Савельев К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Люсинда посвящает этот роман своим читателям во всем мире.
Я посвящаю его моей матери Люсинде, которая была для меня
источником вдохновения во всем.
– Г. У.*

Предисловие

Дорогие читатели!

Позвольте представиться: меня зовут Гарри, и я – старший сын Люсинды Райли. Возможно, некоторые из вас удивятся, когда увидят два имени на обложке этого долгожданного романа.

Перед выходом «Потерянной сестры» в 2021 году Люсинда неожиданно объявила о планах работы над восьмой, заключительной частью «Семи сестер», где будет рассказана история загадочного Па Солта. В авторском примечании к седьмой книге она написала: «Этот сюжет уже восемь лет находится у меня в голове, и я не могу дождаться, когда наконец изложу его в письменном виде».

Как ни трагично, мама умерла в июне 2021 года от остеосаркомы, которая была диагностирована в 2017 году. Наверно, вы думаете, что у нее не было возможности что-либо написать. Но судьба непредсказуема. В 2016 году мама прилетела в Голливуд по приглашению продюсерской компании, заинтересовавшейся правами на экранизацию «Семи сестер». Продюсерская группа очень хотела узнать, как мама представляет окончание серии, хотя тогда у нее были запланированы еще четыре книги.

Эта просьба заставила маму собрать все свои черновики в одном документе. Она написала для потенциальных продюсеров тридцать страниц сценария, действие которого происходит в кульминационный момент повествования. Уверен, мне не нужно убеждать вас в том, что эти страницы были как всегда великолепны. Они изобиловали драматизмом, напряжением и... сюрпризами.

Кроме того, поклонники этого цикла знают о ярких эпизодах с участием Па Солта, которые присутствуют в каждой книге. Мама выстроила хронологию передвижения основных персонажей в течение десятилетий, создав таким образом полноценное «руководство для наблюдателей». Таким образом, литературное наследие Люсинды гораздо обширнее, чем может показаться.

В 2018 году мы с мамой создали серию для детей «Ангелы-хранители» и совместно выпустили четыре книги. В это время она предложила мне закончить цикл «Семь сестер», если с ней произойдет самое худшее. Разумеется, наши разговоры останутся между нами, но я хочу подчеркнуть: она сделала меня частью системы «отказоустойчивости» на тот случай, если произойдет немыслимое. Да, именно немыслимое. Не думаю, что мама всерьез рассматривала возможность своей *смерти*, – впрочем, как и я. Несколько раз она опровергала законы науки и природы, отступая от края пропасти. В маме всегда было нечто волшебное.

После ее смерти мне оставалось только сдержать слово. В конце концов, «Атлас» обещает раскрыть секреты, заставлявшие читателя много лет теряться в догадках. Однако я всегда рассматривал эту книгу как дань памяти моей маме. Я завершил эту работу ради моей лучшей подруги и моей героини. Мною двигала не осознанная необходимость, а любовь к маме. Я готов предположить, что некоторые читатели будут оживленно обсуждать, какие сюжетные элементы принадлежат мне, а какие – моей маме, но думаю, это не важно. Проще говоря, история есть история. И я *знаю*, что в конце этой книги вы испытаете эмоциональное удовлетворение. Мама позаботилась об этом.

Пожалуй, величайшее достижение Люсинды состоит в том, что никто не смог правильно определить тайную движущую силу, стоявшую за ее книгами, несмотря на *тысячи* теорий и догадок. «Атлас» будет наградой для тех, кто с самого начала полюбил этот цикл, но там есть и новый сюжет (хотя он всегда присутствовал, скрытый среди первых 4500 страниц). Возможно, я всего лишь убираю дымовую завесу...

Работа над книгой «Атлас. История Па Солта» была вызовом и огромной честью для меня. Это прощальный дар Люсинды Райли, и я рад вручить его вам.

Гарри Уиттакер, 2022

*Есть многое на свете, друг Горацио,
О чем не снилось нашим мудрецам.*

– Шекспир

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – *приемный отец сестер*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка в Атлантисе*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *икипер*

Сестры Деплеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгета)

Электра

Мерри (Меропа)

Пролог

Сибирь, Тобольск, 1925 год

Двое мальчиков уткнулись носами в воротники своих поношенных шубенок, прикрывая лица от порывов ветра, гнавшего перед ними облака снежной пороши.

– Давай живее! – крикнул старший. Хотя ему едва исполнилось одиннадцать, его голос уже был хриплым и грубоватым. – Хватит, пора возвращаться домой.

Младший мальчик, которому было лишь семь, подхватил вязанку хвороста, который они собирали, и побежал за старшим.

На полпути домой дети услышали тонкий писклявый звук где-то за деревьями. Старший остановился и прислушался.

– Ты это слышишь? – спросил он.

– Да, – ответил младший. Хворост оттягивал руки, и, хотя они только что остановились, мальчика начало трясти от холода. – Пойдем домой, пожалуйста! Я устал.

– Не хнычь, – отрезал старший. – Я пойду посмотрю, что там.

Он подошел к соседней березе и опустился на колени. Младший неохотно последовал за ним. Они увидели воробушка размером с монету, беспомощно барахтавшегося в снегу.

– Он выпал из гнезда, – вздохнул старший. – Или это... послушай!

Они стояли под деревом, пока не услышали птичий крик из двух нот.

– Ага! Это кукушка.

– Та, что в настенных часах?

– Не совсем, это жестокие птицы. Кукушка откладывает яйца в чужие гнезда. Когда кукушонок вылупляется, он выталкивает других птенцов на землю – вот что здесь случилось.

– О нет. – Младший мальчик наклонился и провел мизинцем по головке птенца. – Мы здесь, дружок, все в порядке... – Мальчик посмотрел на своего спутника. – Может быть, мы заберемся на дерево и вернем его обратно? – Он попытался разглядеть гнездо. – Нет, слишком высоко.

Внезапно раздался тошнотворный хруст. Младший повернулся и увидел, что старший раздавил птенца сапогом.

– Что ты натворил? – в ужасе воскликнул младший.

– Мать все равно не признала бы его. Лучше так, чтобы не мучился.

– Но... откуда тебе знать. – Карие глаза младшего мальчика наполнились слезами. – Мы могли бы попробовать!

Старший отмахнулся от его протестов.

– Нет смысла пробовать, все равно ничего не получится. Пустая трата времени. – Он направился вниз по склону. – Пошли, нам пора домой.

Младший мальчик наклонился и посмотрел на безжизненного птенца.

– Прости моего брата, – прошептал он, утирая слезы. – Ему очень плохо, на самом деле он не такой.

Дневник Атласа

1928–1929 гг.

1

*Булонь-Бийанкур,
Париж, Франция*

Этот дневник – подарок от мсье и мадам Ландовски. По их словам, раз уж я не могу говорить, зато умею писать, будет полезно, если я попробую записывать свои мысли. Сначала они считали меня бестолковым или слабоумным; во многих отношениях так оно и было. Но, скорее всего, им просто надоело так долго возиться со мной. Они очень устали, и я тоже.

Они поняли, что у меня сохранились какие-то остатки ума, когда узнали, что я умею писать. Для начала они попросили меня написать мое имя, возраст и место рождения. Но я давно усвоил, что изложение таких сведений в письменном виде может довести до беды, а мне меньше всего хотелось очередных неприятностей. Поэтому я сидел за столом в кухне и записывал стихотворение, которому меня научил папа. Разумеется, это стихотворение не могло выдать, где я жил до того, как оказался под живой изгородью в их саду. Оно не принадлежало к числу моих любимых, но слова соответствовали моему настроению и могли продемонстрировать этим добрым супругам, которые волей судеб оказались у меня на пути, когда смерть стучалась в мою дверь, что я хотя бы способен на письменное общение. Поэтому я написал:

Уж месяц зашел; Плеяды
Зашли... И настала полночь.
И час миновал урочный...

Одной мне уснуть на ложе!¹

Я написал это стихотворение по-французски, по-английски и по-немецки, хотя ни один из этих языков не был моим родным. (Разумеется, я могу не только писать, но и говорить, но, как и слова на бумаге, все сказанное, особенно в спешке, можно использовать как разменную монету.) Признаюсь, мне доставил удовольствие изумленный вид мадам Ландовски, когда она прочитала написанное, хотя это не помогло ей узнать, кто я такой и откуда появился здесь. Горничная Эльза одарила меня взглядом, намекавшим на то, что меня нужно побыстрее выдворить туда, откуда я пришел, и шлепнула тарелку еды на стол передо мной.

Прошло больше года с тех пор, как я покинул дом, который знал с рождения. За это время я говорил лишь в тех случаях, когда это было необходимо.

С того места, где я пишу эти строки, открывается вид из крошечного мансардного окна. Раньше я видел, как по дорожке прошли дети супругов Ландовски. Они учились в школе и выглядели очень нарядно в своей форме: Франсуаза в белых перчатках и соломенной шляпке, которая здесь называется «канотье», а ее братья – в белых рубашках и блейзерах. Хотя я слышал частые жалобы мсье Ландовски на нехватку денег, его большой дом, чудесный сад и красивые платья местных дам свидетельствовали о немалом богатстве.

Я имел привычку грызть карандаш. Папа старался искоренить эту мою привычку, намазывая карандаш всевозможными дурно пахнущими веществами. Однажды он сказал, что на этот раз выбрал отраву с приятным запахом, так что, если мне дорога жизнь, лучше держать карандаш подальше от рта. Тем не менее, пока я размышлял над переводом, полученным от него для расшифровки, я опять сунул карандаш в рот. Когда он увидел это, то закричал, выволок меня за шкуру на улицу и набил мне рот снегом, который потом велел выплюнуть. Тогда я не умер, но с тех пор часто гадал, было ли это жестоким розыгрышем, или же выплюнутый снег на самом деле спас меня.

Хотя я стараюсь почаще вспоминать отца, прошло уже много лет с тех пор, как я последний раз видел его, и его образ начинает тускнеть в моей памяти...

Наверное, это и к лучшему. Да, во всех отношениях будет лучше, если я забуду прошлое. Тогда, если меня будут пытаться, я ничего не смогу рассказать моим мучителям. А если мсье или мадам Ландовски думают, что я буду писать в подаренном дневнике что-то важное, и надеются на замочек с ключом, который я храню в своем кожаном кошельке, то они сильно заблуждаются.

– Ты можешь записывать в дневнике свои мысли и чувства, – ласково объяснила мадам Ландовски. – Это личный дневник, предназначенный только для твоих глаз. Обещаю, что мы не будем туда заглядывать.

Я закивал и благодарно посмотрел на нее, прежде чем побежать наверх, в свою комнату в мансарде. Но я не поверил мадам Ландовски. Я по себе знаю, как легко вскрывать замки и нарушать обещания.

«Клянусь жизнью твоей любимой матери, что я вернусь за тобой... Молись за меня и жди...»

Я потряс головой, стараясь избавиться от последних слов, сказанных мне папой. Но каким-то образом, хотя другие воспоминания, которые мне хочется вернуть, улетают из моей головы, как пух одуванчиков, в тот миг, когда я пытаюсь удержать их, эти слова не хотели уходить.

Дневник в кожаной обложке наполнен тончайшими бумажными листочками. Должно быть, он обошелся мсье Ландовски по меньшей мере в целый франк (так называются местные деньги). Это щедрый жест с его стороны, и я воспользуюсь им. Кроме того, во время долгого

¹ Сапфо. «Уж месяц зашел...» (пер. Вячеслава Иванова).

путешествия я начал опасаться, что разучился писать. Не имея ни бумаги, ни карандаша, я коротал холодные зимние ночи, мысленно повторяя стихотворения и представляя, как я записываю их.

Мне нравится выражение «перед мысленным взором»; папа называл это окном, распахнутым в наше воображение. Поэтому, когда я не вспоминал стихотворения, то часто исчезал на просторах этого внутреннего мира, который папа считал безграничным. Но он добавлял, что недалекие люди по определению имеют ограниченное воображение.

Хотя добрые супруги Ландовски оказались моими спасителями, мне по-прежнему было нужно исчезать внутри самого себя, плотно закрывать глаза и перебирать мысли, которые нельзя было поместить на бумаге, потому что я больше не мог доверять ни одному человеку.

«Так что, если Ландовски когда-нибудь прочитают это – а я не сомневался, что они так и сделают, хотя бы из любопытства, – они увидят лишь дневник, который начинается с моей прощальной молитвы».

Кажется, я так ничего и не сказал им; я был настолько изнурен от лихорадки, голода и упадка сил, что, наверное, мне это померещилось, но, так или иначе, в тот день я увидел самое красивое женское лицо на свете.

Пока я кратко и деловито описывал, как эта прекрасная дама отвела меня в дом, шепча ласковые слова, и впервые за много дней позволила мне спать на кровати, я вспоминал, какой грустной она казалась во время нашей последней встречи. С тех пор я узнал, что ее звали Изабеллой, сокращенно Бел. Она и мсье Бройли, ассистент в скульптурной студии Ландовски (он попросил меня называть его Лореном, хотя я все равно не произносил ни слова) были безумно влюблены друг в друга. И в тот вечер, когда Бел выглядела такой грустной, она пришла проститься не только со мной, но и с Лореном.

Хотя я был очень молод, я много читал о любви. После ухода папы я прошелся по его книжным полкам и узнал множество необыкновенных вещей о жизни взрослых. Сначала я предполагал, что описание физического акта любви предназначалось для того, чтобы придать повествованию комедийный оттенок, но оно повторялось у авторов, которые определенно не были юмористами, и я осознал, что речь идет о реальных вещах. Вот *это* я точно не собирался записывать в своем дневнике!

Я тихо рассмеялся и прикрыл рот ладонью. Это было странное ощущение, поскольку смешок был неким проявлением радости, естественной физической реакцией.

– Господи! – прошептал я. Было еще более странным слышать собственный голос, который казался более глубоким с тех пор, как я проронил последнее слово. Никто не мог услышать меня здесь, в мансарде; обе горничные находились внизу, где занимались уборкой, полировкой мебели и бесконечной стиркой белья, развешанного на веревках за домом. Но, даже если они не могли меня услышать, нужно было соблюдать осторожность, поскольку, раз я мог смеяться, значит, имел голос и умел говорить. Я постарался думать о грустных вещах, что было трудно, ведь, несмотря ни на что, мне удалось добраться до Франции, периодически исчезая в собственном воображении и думая о хорошем. Я думал о двух горничных, чью болтовню я слышал через тонкую стенку, разделявшую нас по ночам. Они жаловались на скудную плату, слишком долгий рабочий день, комковатые матрасы и на свою холодную спальню в мансарде, не отапливаемую в зимнее время. Мне хотелось постучать кулаком в стенку и крикнуть, что им еще повезло жить в отдельной комнате и *получать* жалованье, пусть и небольшое. Что касается холодной спальни... Я успел познакомиться с французским климатом, и, хотя Париж, на окраине которого мы жили, находился на севере Франции, при мысли об ужасе перед температурой немного ниже нуля мне снова хотелось смеяться.

Я закончил первую запись в своем «официальном» дневнике и прочитал ее про себя, представив себя на месте мсье Ландовски, с его забавной бородкой и пышными усами.

Я живу в Булонь-Бийанкуре. Меня приютила радушиная семья Ландовски. Их зовут мсье Поль и мадам Амели. У них четверо детей: Натали (20 лет), Жан-Макс (17 лет), Марсель (13 лет) и Франсуаза (11 лет). Все они очень добры ко мне. Они говорят, что я был тяжело болен и мне понадобится время, чтобы восстановить силы. Горничных зовут Эльза и Антуанетта, а кухарку – Берта. Она все время дает мне свои чудесные пирожные, чтобы «подкормить» меня. В первый раз она принесла мне целую тарелку. Я съел все до крошки, а через пять минут мне стало очень плохо. Когда доктор осмотрел меня, то сказал Берте, что мой желудок съезжился от недоедания, поэтому она должна кормить меня мелкими порциями, иначе мне станет совсем плохо и я могу умереть. Думаю, это расстроило Берту, но надеюсь, что теперь я ем почти нормально и могу оценить ее стряпню по достоинству. В семье есть еще одна прислуга, с которой я пока не встречался, но здесь много говорят о ней. Это мадам Эвелин Гельсен, и она работает экономкой. Сейчас она в отпуске и навещает своего сына, который живет в Лионе.

Я беспокоюсь, что семья тратит на меня слишком много денег, со всеми расходами на еду и на доктора, приходившего ко мне. Я знаю, как дорого могут обходиться врачи. У меня нет денег и работы, и я пока не понимаю, как отплатить за их щедрость. Не представляю, как долго мне еще разрешат оставаться здесь, но я стараюсь радоваться каждому дню в этом замечательном доме. Я благодарю Бога за их доброту и каждый вечер молюсь за них.

Я погрыз карандаш и удовлетворенно кивнул. Я выбрал упрощенный стиль и добавил две-три грамматические ошибки, чтобы сойти за обычного десятилетнего мальчика. Не стоило даже намекать на образование, когда-то полученное мною. После папиного ухода я старался продолжать занятия так же прилежно, как раньше, но без его руководящих наставлений дела заметно ухудшились.

Достав из ящика старого стола лист восхитительно белой бумаги – а для меня собственный стол был невообразимой роскошью, – я приступил к составлению письма.

*Студия Ландовски
Улица Муссон-Дерош
Булонь-Бийанкур
7 августа 1928 года*

«Дорогие мсье и мадам Ландовски!

Я хочу поблагодарить вас обоих за этот подарок. Это самый чудесный дневник, какой у меня был, и я буду писать ежедневно, как вы и просили меня.

Еще спасибо за то, что приняли меня к себе».

Я едва не добавил «Искренне ваш...» и свое имя, но вовремя остановился, аккуратно сложил лист бумаги четыре раза и написал наверху их имена. Я собирался положить письмо на серебряное блюдо, куда поместят завтрашнюю корреспонденцию.

Я еще не достиг того места, куда направлялся, но достаточно приблизился к нему. По сравнению с уже преодоленным расстоянием, это было все равно что прогуляться по улице Муссон-Дерош и обратно. Но я пока не хотел уходить отсюда. В разговоре с Бертой врач резонно заметил, что мне нужно укрепить не только физические, но и душевные силы. Хотя он не интересовался последним, я мог бы сказать ему, что худшим для меня были не телесные испытания, а страх, до сих пор терзавший меня изнутри. Обе горничные, возможно, уставшие жаловаться на остальных жильцов, сообщили мне, что я регулярно кричу по ночам и бужу их. Раньше я настолько уставал, что засыпал, как бревно, но здесь привычка к отдыху и теплой постели размягчила меня. Я часто не мог заснуть после очередного кошмара. Даже не уверен,

что «кошмары» – верное слово для описания этих видений. Жестокий разум заставлял меня заново переживать то, что произошло со мной на самом деле.

Встав и подойдя к кровати с дневником в руке, я залез под одеяло, в котором не нуждался, так как было по-настоящему душно. Я засунул дневник в пижамные штаны так, чтобы он плотно прилегал к бедру. Потом я снял кожаный кошелек, который носил на шее, и пристроил его под штанами к другой стороне бедра. Если долгое странствие чему-то научило меня, так это выбрать самое надежное укрытие для драгоценных вещей.

Я растянулся на бугристом матрасе – еще одном предмете жалоб Эльзы и Антуанетты, хотя для меня это было подобно облаку из ангельских крыльев, – закрыл глаза, произнес короткую молитву за папу, а затем за маму, где бы на небе она ни находилась, и постарался заснуть. Одна-единственная мысль не шла у меня из головы. Не хотелось этого признавать, но была еще одна причина для моего благодарственного письма супругам Ландовски: хотя я понимал, что должен продолжить странствие, мне не хотелось отказываться от восхитительного ощущения безопасности.

2

– Итак, что ты о нем думаешь, молодой человек? – спросил мсье Ландовски, когда я заглянул в глаза нашего Спасителя, каждый глаз которого был больше меня самого. Мсье Ландовски только что завершил голову статуи того, кого в Бразилии называли *Cristo Redentor*, – нашего Иисуса Христа. Мсье Лоран Бройли поведал мне, что статуя будет установлена на вершине горы в городе Рио-де-Жанейро. Когда соберут все составные части, ее высота будет больше тридцати метров. Я видел миниатюрные варианты этой скульптуры и знал, что бразильский (и французский) Христос будет стоять с распростертыми руками, словно обнимая город. Согласно хитроумному замыслу, издавек снизу будет казаться, что он распят на кресте. Вопрос о доставке статуи на вершину горы и ее сборке был предметом жарких дискуссий и волнений в последние несколько недель. У мсье Ландовски на попечении было много других голов, поскольку он также работал над скульптурой китайского государственного деятеля Сунь Ятсена² и беспокоился насчет его глаз. На мой взгляд, мсье Ландовски был настоящим перфекционистом.

Долгими летними днями я приходил в студию мсье Ландовски и прятался за многочисленными камнями, лежавшими на полу в ожидании инструментов скульптора. Обычно в студии было полно подмастерьев и помощников, которые, как и Лорен, приходили сюда учиться у мастера. Большинство из них не обращали на меня внимания, хотя мадемуазель Маргарита каждый раз улыбалась мне. Она была лучшей подругой Бел, поэтому я знал, что ей можно доверять.

Однажды мсье Ландовски выследил меня в студии; как и мой отец, он попрекнул меня в необходимости просить разрешения перед входом. Я сокрушенно покачал головой, выставил руки перед собой и попятился к двери, но он сжалился надо мной и поманил к себе.

– Бройли сказал, что тебе нравится наблюдать за нашей работой. Это правда?

Я кивнул.

– Тогда больше не надо прятаться. Если ты пообещаешь ничего не трогать, то добро пожаловать, мой мальчик. Хотелось бы, чтобы мои собственные дети проявляли такой же интерес к моей профессии.

С этого момента мне разрешили сидеть за столом на козлах с куском ненужного мыльного камня и обеспечили набором собственных инструментов.

² Китайский революционер и политический деятель, основатель партии Гоминьдан. Один из основателей и первый президент Китайской Республики, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей.

– Смотри и учись, мальчик, смотри и учись, – посоветовал Ландовски.

Я смотрел и пробовал чему-то научиться. Впрочем, у меня мало что получалось, пока я стучал молотком по зубилу, обтесывая мыльные камни. Как я ни старался придать им хотя бы простейшую форму, передо мной неизменно оказывалась кучка обломков.

– Ну, мой мальчик, что ты думаешь об этом? – спросил мсье Ландовски и указал на голову Христа. Я энергично закивал, в очередной раз ощущая себя виноватым перед этим добряком, который все еще пытался добиться от меня внятного ответа. Он заслуживал этого хотя бы благодаря своему упорству, но я понимал, что как только открою рот и начну говорить, то окажусь в опасности.

Мадам Ландовски, убедившаяся в том, что я умею читать и понимаю услышанное, вручила мне стопку старой бумаги.

Я кивнул. После этого наше общение сильно упростилось.

В ответ на вопрос мсье Ландовски я достал карандаш из кармана шортов, крупными буквами написал на листке бумаги одно слово и протянул ему. Мсье Ландовски добродушно усмехнулся.

– «Великолепно», вот как? Что же, спасибо, молодой человек, и давай надеяться, что наш *Cristo* получит такую же оценку, когда гордо встанет на вершине горы Корковадо на другом краю света. *Если* мы сможем доставить его туда...

– Поверьте, сир, – произнес Лорен у меня за спиной. – Бел говорит, что подготовка фуникулера идет полным ходом.

– В самом деле? – Мсье Ландовски приподнял кустистую седую бровь. – Похоже, тебе известно больше меня. Эйтор да Силва Коста неустанно заверяет меня, что мы обсудим, как переправить мою скульптуру через океан и воздвигнуть ее на месте, но обсуждение все откладывается и откладывается. Скоро ли настанет время ланча? Мне нужно выпить немного вина, чтобы успокоить нервы. Я начинаю опасаться, что этот проект со статуей Христа будет концом моей карьеры. Поистине, я был глупцом, когда согласился на такое безумие.

– Пойду принесу завтрак, – отозвался Лорен и удалился в крошечную кухню, каждый уголок которой я буду всегда помнить как первое убежище с тех пор, как покинул свой дом много месяцев назад. Я улыбался, глядя, как Лорен открывает бутылку вина.

Поскольку я часто просыпался очень рано, то приходил в студию на рассвете просто ради того, чтобы посидеть среди здешней красоты. Я думал о том, как папу позабавило бы, что из всех мест, где я мог бы оказаться, – например, на заводе «Рено», лишь в нескольких километрах отсюда, – волею судеб я завершил свое странствие в таком месте, которое он назвал бы храмом искусства. Я знал, что это порадовало бы его.

В то утро, когда я сидел среди камней и глядел на кроткие черты лица *Cristo Redentor*, до меня донесся шум из комнаты за занавеской, где мы обедали. Подкравшись на цыпочках и заглянув внутрь, я увидел ноги, вытянутые под столом, и услышал тихий храп Лорена. С тех пор, как Бел вернулась в Бразилию, он стал часто напиваться, так что по утрам его глаза были покрасневшими и опухшими, а кожа приобретала землисто-серый оттенок, как будто он был готов в любой момент избавиться от содержимого желудка. (Кстати, у меня был богатый опыт знакомства с подобным злоупотреблением среди мужчин и женщин.)

Я смотрел, как он наливает себе щедрую порцию вина, и беспокоился о его печени, которая, по словам папы, больше всего страдает от выпивки. Впрочем, еще больше меня беспокоило состояние его сердца. Хотя я вполне понимал, что сердце не может физически разбиться от любви, что-то в Лорене явно надломилось после разлуки с Бел. Возможно, однажды я пойму желание утопить свою душевную боль в алкоголе.

– *Santé!*³ – хором произнесли они и чокнулись стаканами. Пока они сидели за столом, я отправился на кухню, чтобы взять хлеб, сыр и спелые помидоры, выращенные на огороде нашей соседки. Я заметил экономку Эвелин, которая появилась на кухне с целой корзиной овощей. Поскольку она была пожилой и весьма тучной женщиной, я побежал через всю комнату, чтобы взять у нее корзину.

– Господи, ну и жара! – вздохнула экономка и тяжело опустилась на деревянный стул. Я принес ей стакан воды еще до того, как она попросила об этом, и достал бумагу и карандаш, чтобы написать вопрос.

– «Почему вы не отправляете горничных?» – прочитала она и окинула меня взглядом. – Потому что, мой милый мальчик, никто из них не отличит гнилой персик от идеального. Это городские девушки, которые ничего не знают о свежих фруктах и овощах.

Я взял у нее листок бумаги и написал еще одно предложение:

«Когда пойдете в следующий раз, я отправлюсь с вами и понесу корзину».

– Очень любезно с твоей стороны, молодой человек. Если такая жарница будет держаться и дальше, мне понадобится помощь. Если я задам вопрос, ты сможешь написать ответ, да?

Жара продолжалась, и я стал помогать Эвелин. По пути она с гордостью рассказывала о своем сыне, который учился в университете на инженера.

– Вот увидишь, однажды его имя прославится, – добавила она, пока мы лавировали между ящиками с овощами, выставленными перед ларьками. Я шел с корзиной для тех овощей, которые прошли проверку Эвелин. Из всех домашних в семье Ландовски она была моей любимицей, хотя поначалу я страшился ее, потому что слышал из-за стены болтовню горничных о скором возвращении «драконицы». Меня представили ей как «безымянного мальчика, который не может говорить». (Это сказал Марсель, тринадцатилетний сын мсье Ландовски. Я знал, что он относится ко мне с вполне понятным подозрением; мое неожиданное появление в любой семье неизбежно привело бы к косым взглядам.) Но Эвелин лишь пожала мою протянутую руку и одарила меня теплой улыбкой.

– Я скажу так: чем больше, тем веселее. Какой смысл иметь громадный дом вроде этого и оставлять комнаты пустыми? – Эвелин подмигнула мне, а позже в тот же день, когда увидела, как я смотрю на недоеденный яблочный пирог, оставшийся после завтрака, отрезала мне кусок.

На самом деле было довольно странно, что между мною и женщиной средних лет могла возникнуть тайная и негласная (во всяком случае, с моей стороны) связь, но так оно и было. Я подметил в ее глазах особенное выражение, свидетельствовавшее о перенесенных страданиях. Вероятно, она разглядела во мне нечто похожее.

Я решил, что есть только два способа не навлекать на себя жалобы со стороны домашних – либо стать невидимым (для детей Ландовски, и в меньшей степени для их родителей), либо активно помогать тем, кто нуждался в этом, что в первую очередь относилось к прислуге. Вскоре Эвелин, Берта, Эльза и Антуанетта осознали, что в доме есть полезный маленький помощник, который может оказаться рядом в любую минуту. Я часто убирался в комнатах, где мы жили. Еще маленьким мальчиком я имел склонность везде наводить порядок. Папа, заметивший мою неприязнь к хаосу, пошутил, что однажды я стану образцовой женой. В моем старом доме это было невозможно, потому что все жили практически в одной комнате, но идея порядка в просторном доме Ландовски завораживала меня. Наверное, больше всего мне нравилось помогать Эльзе и Антуанетте снимать с бельевого веревки одежду и простыни, высушенные на солнце. Горничные смеялись над моим желанием идеально складывать белье, а я не мог удержаться и повсюду совал свой нос, вдыхая свежий запах стирки, который для меня был милее любых духов.

³ За здоровье (фр.).

Я порезал помидоры так же тщательно, как складывал выстиранное белье, и вернулся за стол к Лорену и мсье Ландовски. Я смотрел, как они ломают свежий багет и режут сыр, но присоединился к трапезе лишь после того, как мсье Ландовски указал мне на свободное место. Папа часто рассказывал мне о восхитительном вкусе французской еды, и он был прав. Впрочем, после приступов тошноты и желудочных болей, когда я с максимальной скоростью поглощал все, что мне предлагали, я стал есть «как воспитанный человек, а не дикарь», по выражению Берты.

Разговор за столом по-прежнему вертелся вокруг статуи Христа и глаз Сунь Ятсена, но меня это устраивало. Я понимал, что мсье Ландовски был подлинным творцом: летом он завоевал золотую медаль на олимпиаде изящных искусств, а его таланты, судя по всему, были известны по всему миру. Больше всего меня восхищало, что слава не изменила его характер. А может быть, мне так казалось, поскольку он работал в любое время, когда мог, и часто пропускал ужин. Мадам Ландовски выговаривала ему за то, что он уделяет слишком мало внимания ей и детям. Его внимание к деталям и стремление к совершенству, хотя он без труда мог поручить Лорену завершение работы, вдохновляли меня. Кем бы я ни стал и что бы мне ни суждено было сделать, я дал себе обещание, что буду посвящать этому все свое время и силы.

– А ты что думаешь, мальчик? Мальчик!

Я снова затерялся в раздумьях. Те, кто проявлял интерес ко мне, уже немного привыкли к этому.

– Ты не слушал, да?

Я извинился взглядом и покачал головой.

– Я спросил, считаешь ли ты, что глаза Сунь Ятсена еще нужно поправить? Я показывал тебе его фотографию, помнишь?

Я взял карандаш, тщательно обдумывая ответ. Меня учили всегда говорить правду, но нужно было проявлять дипломатичность. Я написал нужные слова и протянул ему листок.

«Совсем немного, мсье».

Ландовски отпил глоток вина, потом запрокинул голову и рассмеялся.

– В самую точку, мой мальчик. Во второй половине дня я попробую еще раз.

Когда мужчины покончили с едой, я унес остатки хлеба и сыра, а потом сварил для них кофе так, как нравилось мсье Ландовски. Занимаясь этим делом, я рассовал остатки хлеба и сыра по карманам шорт. Мне еще предстояло побороть эту привычку: неизвестно, когда ты останешься без пропитания.

Я принес кофе, откланялся и вернулся к себе в мансарду, где спрятал хлеб и сыр в ящике стола. В последнее время я все чаще на следующее утро выбрасывал эти остатки в мусорную корзину. Но, повторю, никогда не знаешь, что может случиться завтра...

Помыв руки и причесавшись, я спустился вниз и приступил к своим обязанностям добровольного помощника по дому. Сегодня они включали чистку столового серебра, поскольку даже Эвелин похвалила меня за усидчивость и аккуратность в этом деле. Я засиял от гордости, изголодавшись по комплиментам. Правда, это сияние продолжалось недолго, потому что Эвелин остановилась в дверях и повернулась к Эльзе и Антуанетте, которые раскладывали ножи и вилки по бархатным футлярам.

– Вам обоим стоит поучиться у этого мальчика, – сказала она и вышла, оставив горничных сердито глядеть на меня. Но поскольку они были ленивыми и нетерпеливыми, то без вопросов позволяли мне чистить столовые приборы. Я любил сидеть в тишине просторной столовой за столом из красного дерева, отполированным до блеска. Пока мои руки занимались работой, мысли могли блуждать где заблагорассудится.

С тех пор как началось мое телесное и душевное восстановление, больше всего меня занимала мысль о заработке. Несмотря на доброту супругов Ландовски, я всецело зависел от их расположения. В любое время, даже сегодня вечером, они могли объявить, что мое время

пребывания в их доме истекло по той или иной причине. Тогда я снова оказался бы на незнакомой улице, уязвимый и одинокий. Я инстинктивно потянулся к кожаному кошельку, который носил под рубашкой. Ощущение знакомой формы было утешительным, хотя я понимал, что содержимое принадлежит не мне и я не могу его продать. Тот факт, что оно пережило путешествие, сам по себе был чудом, но его присутствие было одновременно благословением и проклятием. Оно было причиной моего пребывания в Париже и проживания под крышей у незнакомых людей.

Опустошив чайник, я пришел к выводу, что в доме есть лишь один достойный доверия человек, у которого можно попросить совета. Эвелин жила в так называемом «коттедже», который на самом деле был пристройкой к главному дому, состоявшей из двух комнат. По крайней мере, она имела отдельную ванную с уборной, а главное – отдельную входную дверь. Я еще не бывал у нее, но сегодня вечером после ужина собирался набраться храбрости и постучаться в эту дверь.

* * *

Через окно столовой я видел, как Эвелин идет к коттеджу. Она всегда уходила после подачи главного блюда, оставляя горничных распорядиться подачей десерта, уборкой со стола и мытьем посуды. Я доедал ужин и слушал семейные разговоры. Надин, старшая из сестер, еще не вышла замуж и большую часть времени проводила за пределами дома с мольбертом, кистями и палитрой. Я не видел ее работ, но знал, что она создает декорации для театральных постановок. Мне еще не приходилось бывать в театре, и, разумеется, я не мог обратиться к ней и расспросить о ее работе. Она довольно редко появлялась дома и казалась поглощенной собственной жизнью, почти не замечала меня и лишь иногда улыбалась, когда наши пути пересекались по утрам. Еще был Марсель, который однажды встал передо мной, выпятив грудь и подбоченясь, и заявил, что я ему не нравлюсь. Конечно, это было глупо, поскольку он не знал меня, но я слышал, как в разговоре с младшей сестрой Франсуазой он называл меня лизоблюдом, потому что я помогал на кухне перед ужином. Я понимал его чувства; он не представлял, зачем его родители приютили юного оборванца, которого нашли в саду и который отказывался произнести хоть слово.

Но я все простил ему с того момента, когда впервые услышал звуки прекрасной музыки, доносившейся из его комнаты. Я оставил свои дела и стоял как зачарованный. Хотя папа научил меня основам игры на скрипке, я еще никогда не слышал звуки, извлекаемые клавишами фортепиано под пальцами настоящего мастера. Это было великолепно. С тех пор я стал немного одержимым пальцами Марселя, дивясь тому, как они умудрялись так быстро перебирать клавиши в таком безупречном порядке. Я заставлял себя отводить взгляд, чтобы не привлекать его внимания. Однажды я намеревался собраться с духом и попросить посмотреть, как он играет. Что бы он ни думал обо мне, я считал его волшебником.

Его старший брат Жан-Макс находился на грани зрелости и относился ко мне равнодушно. Я почти не знал, чем он занимался, когда уходил из дома, хотя однажды он попробовал показать мне игру в *буль*, традиционное французское развлечение⁴. Нужно было точно бросать шары на гравийной площадке на заднем дворе, и я очень быстро усвоил основные навыки.

Была еще Франсуаза, младшая дочь Ландовски, ненамного старше меня. Она вела себя дружелюбно, хотя и казалась очень застенчивой. Я был благодарен, когда она молча передала мне сладости в саду – нечто вроде леденцов на палочке, – и мы сидели бок о бок, облизывая их и наблюдая за тем, как пчелы собирают цветочный нектар. Она присоединялась к Марселю в игре на фортепиано и любила живопись, как и Надин. Я часто видел ее перед мольбер-

⁴ Французская игра в шары с разными региональными вариациями. (Прим. пер.)

том, обращенным к дому. Я не имел понятия, насколько хороши ее способности, поскольку не видел ее работ, но подозревал, что милые пасторальные пейзажи с видами на поля и реку, развешанные внизу, принадлежали ее кисти. Конечно, мы не могли стать близкими друзьями – довольно утомительно проводить время в обществе человека, который не может поддерживать разговор, – но она часто улыбалась мне, и я видел сочувствие в ее взгляде. Время от времени (обычно по воскресеньям, когда мсье Ландовски устраивал себе выходной) члены семьи играли в *буль* или отправлялись на пикник. Мне каждый раз предлагали присоединиться, но я всегда отказывался, чтобы не мешать их личному общению, а еще потому, что на собственной шкуре усвоил, до чего может довести случайная неприязнь.

После ужина я помог Эльзе и Антуанетте вымыть посуду, а после того как они поднялись в спальню, я выскользнул из кухни и обогнул дом с заднего двора, чтобы никто не заметил моего ухода.

Пока я стоял перед дверью Эвелин, сердце гулко колотилось в груди. Может быть, это ошибка? Не лучше ли просто уйти отсюда и забыть обо всем?

– Нет, – прошептал я. Рано или поздно мне придется кому-то довериться. Интуиция, которая до сих пор позволяла мне оставаться в живых, сейчас подсказывала, что я поступаю правильно.

У меня дрожала рука, когда я потянулся к двери и робко постучался. Ответа не последовало; разумеется, никто не мог услышать такой тихий стук, если не стоял прямо за дверью. Тогда я постучался громче. Через несколько секунд я увидел, как занавеска на окне отодвинулась в сторону, а потом дверь отворилась.

– Так, кто у нас тут? – Эвелин улыбнулась мне. – Заходи, заходи же. Гости нечасто бывают в моем доме.

Я оказался, наверное, в самой уютной комнате, какую мне приходилось видеть до сих пор, – хотя мне говорили, что раньше здесь был гараж для автомобиля мсье Ландовски, с простым бетонным полом. Сейчас меня повсюду окружали красивые вещи. Два мягких стула с разноцветными лоскутными покрывалами стояли в центре комнаты. Стены были увешаны семейными портретами и натюрмортами, а у окна на столе красного дерева стояла ваза с изысканным букетом. Маленькая деревянная дверь в дальнем конце предположительно вела в спальню и уборную, а на буфете, заполненном фарфоровыми чашками и бокалами, была установлена книжная полка.

– Присаживайся. – Эвелин указала на стул и отложила в сторону свое вязание. – Хочешь лимонада по моему рецепту?

Я энергично кивнул. До того как я оказался во Франции, мне не доводилось пробовать лимонад, и теперь я пил его при любом удобном случае.

Эвелин подошла к буфету и достала два стакана, а потом налила из кувшина молочно-желтую жидкость с толченым льдом.

– Ну вот, – произнесла Эвелин, когда устроилась на стуле, который был маловат для ее фигуры. – *Santé!* – Она подняла свой стакан. Я ответил тем же, но промолчал.

– Итак, чем я могу помочь тебе? – спросила Эвелин.

Я заранее написал вопрос и достал из кармана листок бумаги. Она прочитала записку и посмотрела на меня.

– Как ты сможешь заработать немного денег? Ты это хотел спросить?

Я кивнул.

– Пока не знаю, молодой человек, но я подумаю об этом. А почему ты решил, что тебе нужно зарабатывать?

Я жестом попросил вернуть бумагу и начал писать.

– «На тот случай, если добрые супруги Ландовски решат, что мне больше нет места в их доме», – прочитала она вслух. – Что тут скажешь? Принимая во внимание успех мсье Лан-

довски и размер его гонораров, весьма сомнительно, что они решат переехать в более скромный дом. Но, кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты боишься, что однажды они могут просто выставить тебя на улицу?

Я согласно закивал.

– И тогда ты окажешься еще одним маленьким голодным сиротой на парижских улицах. Это приводит меня к важному вопросу: ты сирота? «Да» или «нет» будет достаточно.

Я помотал головой.

– Где твои родители?

Она протянула мне листок бумаги, и я написал два слова:

«Не знаю».

– Ясно. Я было подумала, что они могли пропасть без вести во время большой войны, но она закончилась в тысяча девятьсот восемнадцатом году, поэтому ты слишком мал для такой версии.

Я пожал плечами, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Беда с добрым отношением состояла в том, что оно притупляло бдительность, а я не мог себе этого позволить. Эвелин помолчала, внимательно глядя на меня.

– Я знаю, что ты можешь говорить. Та девушка из Бразилии рассказала всем, что ты поблагодарил ее на безупречном французском языке в тот вечер, когда она нашла тебя. Вопрос в том, почему ты молчишь. Единственный ответ, который приходит мне в голову, – если ты с тех пор не онемел, в чем я сомневаюсь, – заключается в том, что ты боишься кому-либо доверять. Я права?

Меня обуревали противоречивые чувства. Мне хотелось сказать, что она совершенно права, и броситься в ее утешительные объятия, но... я понимал, что еще рано. Я показал, что мне нужна бумага, и написал на листке:

«У меня была лихорадка. Я не помню, как разговаривал с Бел».

Эвелин прочитала эти слова и улыбнулась.

– Понятно, молодой человек. Я знаю, что ты лжешь, но ты явно перенес какую-то травму, которая подорвала твое доверие к людям. Наверное, однажды, когда мы ближе познакомимся друг с другом, я расскажу тебе кое-что о своей жизни. Во время большой войны я работала медсестрой на фронте. Страдания, которые я там видела... это невозможно забыть. И если откровенно, то на какое-то время я утратила веру в людей и доверие к ним. И перестала верить в Бога. Ты веришь в Бога?

Я неуверенно кивнул – отчасти потому, что не знал, осталась ли она религиозной женщиной, а отчасти потому, что не был уверен в собственных убеждениях.

– Возможно, сейчас ты находишься в таком же состоянии, как и я тогда. Мне понадобилось много времени, чтобы снова во что-то поверить. Хочешь знать, что вернуло мне веру и доверие? Любовь... любовь к моему дорогому мальчику. Она все исправила. Разумеется, любовь в конечном счете исходит от Бога или, если хочешь, от невидимого духа, который объединяет всех людей. Даже если иногда кажется, что Бог оставил нас, Он не оставляет. Как бы то ни было, боюсь, что сейчас я не знаю ответа на твой вопрос. На парижских улицах есть множество мальчиков и подростков вроде тебя, которые умудряются выживать такими способами, что мне даже не хочется думать об этом. Но... послушай, мне хочется, чтобы ты хотя бы поделился со мной своим именем. Уверяю тебя, что мсье и мадам Ландовски – добрые и хорошие люди, и они никогда не выгонят тебя из дома.

Я снова указал на листок бумаги и написал:

«Тогда что они сделают со мной?»

– Если бы ты заговорил, то они бы разрешили тебе оставаться в доме сколько угодно и отправили бы тебя в школу, как и своих детей. А так, – она пожала плечами, – это невозможно, правда? Сомнительно, что какая-нибудь школа согласится принять немого мальчика, незави-

симо от уровня его образования. Судя по тому, что мне известно о тебе, я бы предположила, что ты вполне образован и хочешь учиться дальше. Это правда?

Я изобразил типично французское пожатие плечами, которому научился у жильцов дома.

– Не люблю лжецов, молодой человек, – неожиданно укорила меня Эвелин. – Пусть у тебя есть причины для молчания, но, по крайней мере, ты можешь быть искренним. Итак, хочешь ли ты продолжить свое образование?

Я неохотно кивнул. Эвелин хлопнула себя по бедру.

– Так-то лучше! Ты должен решить, когда сможешь заговорить; после этого твое будущее в семье Ландовски станет куда более надежным. Ты сможешь быть нормальным ребенком и ходить в нормальную школу, а домашние будут относиться к тебе еще лучше, чем прежде. – Эвелин зевнула. – Завтра мне рано вставать, но я была рада тебе и твоему обществу. Пожалуйста, заходи, когда пожелаешь.

Я немедленно встал, благодарно раскланялся и направился к выходу, а Эвелин проводила меня. Когда я уже был готов повернуть дверную ручку, ее руки мягко легли мне на плечи. Потом она развернула меня и привлекла к себе.

– Все, что тебе нужно, – это немного любви, *chéri*. Спокойной ночи.

3

26 октября 1928 года

Сегодня в столовой перед ужином разожгли огонь в камине. Очень приятно смотреть на это, хотя я не понимаю, почему все жалуется на холод. Все члены семьи находятся в добром здравии и очень заняты. Мсье Ландовски еще нервничает из-за транспортировки своей драгоценной статуи Христа в Рио-де-Жанейро. Еще ему предстоит завершить работу над головой Сунь Ятсена. Я стараюсь помогать по дому, насколько это возможно, и надеюсь, что стал помощником, а не бременем для семьи. Еще я очень рад новому комплекту зимней одежды, полученному от Марселя. Рубашка, короткие штаны и свитер сделаны из прекрасной ткани, в которой легко и удобно. Мадам Ландовски благосклонно решила, что, хотя я пока что не могу ходить в школу, мне все равно нужно продолжить обучение. Она дала мне несколько математических задач и тест на правописание. Я постарался сделать все правильно, потому что благодарен этим добрым людям, приютившим меня в своем чудесном доме.

Я отложил ручку, закрыл дневник и запер его на замочек, надеясь на то, что любопытствующие не найдут в моих записях ничего предосудительного. Потом я сунул руку под ящик и достал небольшую пачку бумажных листов, обрезанных под размер страниц дневника. Там я записывал свои *настоящие* мысли. Сначала я вел дневник лишь ради своих благодетелей, на тот случай, если они будут спрашивать, пользуюсь ли я их подарком. Но я обнаружил, что невозможность высказывать свои мысли и чувства все больше тяготит меня, поэтому стал искать выход из положения. Я решил, что однажды, после расставания с семьей Ландовски, вставлю эти листы в соответствующие разделы дневника, чтобы получить более честную картину моей жизни.

Пожалуй, из-за Эвелин мне стало труднее думать об уходе. С тех пор как она предложила заходить к ней в любое время, я стал у нее частым гостем и поверил, что она испытывает ко мне некое подобие материнского чувства, которое казалось искренним и неподдельным. За последние несколько недель я много раз сидел в ее уютной комнате и слушал ее рассказы о былой жизни, которая, как я и подозревал, была полна страданий. Ее муж и старший сын так и не вернулись с войны. Поскольку я родился в 1918 году, то не застал это мировое бедствие.

Слушая рассказы Эвелин о громадных потерях на полях сражений, где людей, в буквальном смысле, разрывало на куски, я невольно содрогался.

– Больше всего мне жаль, что мои любимые Жак и Антуан умерли в одиночестве, и никто не мог дать им последнее утешение.

Я увидел, как глаза Эвелин наполнились слезами, и протянул к ней руку. Больше всего мне хотелось сказать: «Понимаю, как это было тяжело для вас. Я тоже потерял всех, кого любил...»

Она объяснила, что именно поэтому так заботилась о единственном оставшемся сыне и защищала его. Если она потеряет его, то сойдет с ума. Мне хотелось сказать, что я давно сошел с ума, но, к моему удивлению, ум постепенно возвращался.

Становилось все труднее оставаться немым, особенно потому, что я знал: если заговорю, то меня отправят в школу. А мне больше всего хотелось продолжить учебу. Но тогда начнутся вопросы о моих жизненных обстоятельствах, на которые я просто не мог ответить. Или же мне придется лгать, а эти добрые люди, которые приняли меня к себе, кормили и одевали, заслуживали лучшего.

* * *

– Заходи, заходи! – сказала Эвелин, когда я открыл дверь. Мне было известно о ее больной ноге, причинявшей ей больше неприятностей, чем она показывала. Я был не единственным, кто беспокоился о своем положении в семье Ландовски.

– Принеси какао, хорошо? – добавила она. – Я все подготовила для тебя.

Я пошел на кухню, наполненную восхитительным запахом горячего шоколада. Я был уверен, что когда-то давно пил какао, но не мог вспомнить, когда это было. Какао у Эвелин быстро стало моей любимой частью дня.

Я наполнил две кружки и поставил одну из них перед Эвелин, а другую – рядом с камином, где в маленьком очаге весело пылал огонь. Усевшись, я помахал рукой перед лицом, раскрасневшимся от жары.

– Ты родился в очень холодной стране, да? – Эвелин окинула меня цепким взглядом, и я понял, что она хочет выудить из меня побольше информации, пока я отвлекаюсь на посторонние вещи.

– Когда-нибудь ты ответишь мне. – Она улыбнулась. – А пока ты остаешься экстраординарной загадкой.

Я вопросительно посмотрел на нее. Мне еще не приходилось слышать слово «экстраординарный», но мне понравилось, как оно звучит.

– «Экстраординарный» означает «выдающийся», – пояснила она. – Такие люди всегда вызывают интерес, пока к ним не привыкают.

Я кивнул, размышляя о ее словах. Такая характеристика была не слишком лестной для меня.

– Ладно, прости за мою досаду. Просто... я беспокоюсь за тебя. Терпение мадам и мсье Ландовски может закончиться. Позавчера я слышала их разговор, когда вытирала пыль в гостиной. Они думают, не стоит ли показать тебя психиатру. Понимаешь, что это значит?

Я покачал головой.

– Психиатры разбираются в душевном здоровье человека; они выясняют твое психическое состояние и его причины. К примеру, если у тебя есть какое-то душевное расстройство, тебя могут поместить в больницу.

Мои глаза широко распахнулись от ужаса. Я отлично понимал, что она имеет в виду. Одного из наших соседей, который регулярно начинал кричать и однажды вышел голым на

улицу, забрали в так называемый «санаторий». Судя по всему, это было жуткое место, где люди кричали, плакали или сидели неподвижно, как мертвые.

– Извини, мне не следовало говорить об этом, – поспешно сказала Эвелин. – Мы все знаем, что ты не сумасшедший и на самом деле скрываешь, насколько ты умен. Они хотят направить тебя к психиатру, чтобы выяснить, почему ты не хочешь разговаривать, хотя можешь.

Как всегда, я решительно покачал головой. Мое объяснение заключалось в том, что у меня была лихорадка, поэтому я не помнил, как разговаривал с Бел. И это в целом не было ложью.

– Они пытаются помочь тебе, дорогой, а не причинить вред. Пожалуйста, не пугайся. Посмотри, – добавила Эвелин и взяла коричневый бумажный пакет, лежавший рядом с ее стулом. – Это для тебя, на зиму.

Я принял пакет из ее рук, чувствуя себя именинником. Прошло много времени с тех пор, как я получал подарки. Мне хотелось оттянуть сладостный момент, но Эвелин попросила меня раскрыть пакет. Внутри находились полосатый разноцветный шарф и шерстяная шапка.

– Примерь их, молодой человек. Посмотри, подойдут ли.

Хотя в комнате было жарко, как в бане, я подчинился. Шарф подошел отлично, да и могло ли быть иначе? Но шерстяная шапка оказалась великовата и напозвала мне на глаза.

– Дай ее мне, – сказала Эвелин и загнула передний край шапки. – Вот, так будет лучше. Как ты думаешь?

Думаю, я умру от апоплексического удара, если не сниму это...

Я энергично кивнул, потом встал, подошел к Эвелин и обнял ее. Когда я отстранился, то понял, что мои глаза наполнились слезами.

– Ладно, глупенький, ты же знаешь, как я люблю вязать, – сказала она. – Я навязала десятки таких шапок для наших мальчиков.

Я вернулся на свой стул. Слово «спасибо» едва не слетело с моих губ, но я удержал язык за зубами. Сняв шапку и шарф, я аккуратно сложил их и убрал в пакет.

– А теперь нам обоим пора спать, – сказала Эвелин, посмотрев на часы, стоявшие на каминной полке. – Но сначала я скажу, что сегодня получила замечательную новость. – Эвелин указала на письмо, лежавшее рядом с часами. – Это от моего сына Луи. Он приедет встретиться со мной завтра. Разве это не прекрасно?

Я воодушевленно кивнул, но, честно говоря, в душе немного позавидовал этому «прекрасному Луи», который был абсолютным совершенством в глазах матери. Я мог бы возненавидеть его, если бы не искренняя радость Эвелин.

– Мне хочется, чтобы завтра ты пришел сюда и познакомился с ним. Он отведет меня на ланч, и мы вернемся в половине четвертого. Почему бы тебе не зайти в четыре часа?

Я кивнул, постаравшись выглядеть не слишком хмурым. Потом взял пакет, улыбнулся экономке, помахал ей на прощание и вышел на улицу.

В ту ночь я плохо спал и долго ворочался в постели, расстроенный появлением конкурента в борьбе за благосклонное внимание Эвелин и ее словами о намерении Ландовски отвести меня к психиатру.

* * *

В воскресенье, после обеда, я умылся из тазика с водой, которую каждый день приносила одна из горничных. Здесь, в мансарде, у нас не было «удобств» (еще одна причина для жалоб Эльзы и Антуанетты, которым по вечерам приходилось спускаться в уборную на первом этаже). Я причесался и решил, что не буду надевать шерстяной джемпер, поскольку опасался, что Эвелин сильно натопит комнату в честь приезда сына. Я вышел из задней двери на

кухне и начал уже привычный обход вокруг дома, когда звуки музыки заставили меня остановиться. Я закрыл глаза и прислушался, а мои губы невольно растянулись в улыбке. Я знал это музыкальное произведение, и хотя сейчас его исполнял не такой мастер, как мой отец, но явно человек с музыкальным образованием.

Когда музыка умолкла, я подошел к двери Эвелин и постучался. Мне сразу же открыл худой юноша, которому, как я знал, было девятнадцать лет.

– Привет, – с улыбкой сказал он. – Должно быть, ты тот самый юный бродяга, который появился в доме с тех пор, как я прошлый раз приезжал сюда.

Он проводил меня в комнату, где я поискал взглядом инструмент, на котором он недавно играл. Скрипка лежала на стуле, где я обычно сидел, и я обнаружил, что не могу отвести глаз от нее.

– Здравствуй, – сказала Эвелин. – Это мой сын Луи.

Я кивнул, по-прежнему глядя на простой предмет, волшебным образом превращенный из куска дерева в музыкальный инструмент, способный издавать самые прекрасные звуки на свете, – во всяком случае, по моему мнению.

– Ты слышал, как играл мой сын? – Мой интерес к скрипке не ускользнул от внимания Эвелин.

Я кивнул, отчаянно желая потянуться к скрипке, пристроить ее под подбородком, поднять смычок и извлечь несколько нот.

– Хочешь поддержать?

Я посмотрел на Луи, который был похож на свою мать, с такой же нежной улыбкой. Он протянул мне скрипку, и я принял ее с таким же благоговением, как будто это было золотое руно. Потом я автоматически пристроил инструмент в рабочем положении под подбородком.

– Значит, ты умеешь играть, – заметил Луи.

Это был не вопрос, а утверждение. Я снова кивнул.

– Тогда давай послушаем тебя. – Он потянулся за смычком и вручил его мне. Судя по его игре, я понимал, что инструмент безупречно настроен, но все-таки поводил смычком по струнам, стараясь привыкнуть к ощущению. Он был тяжелее, чем у нас с папой, и оставалось лишь гадать, смогу ли я выстроить музыкальную композицию. Прошло очень много времени с тех пор, как я последний раз держал в руках скрипку. Закрыв глаза, я стал делать то, чему учил папа, ласково прикасаясь смычком к струнам. Я даже не решил, что буду играть, когда из-под моей руки полились прекрасные звуки «Аллеманды» из «Партиты для скрипки ре-минор» Баха. Меня самого удивило, когда звуки прекратились и наступила тишина... а потом слушатели захлопали.

– Я меньше всего этого ожидала, – сказала Эвелин, обмахиваясь веером.

– Мсье, это было... – начал Луи, – ...это было поразительно, особенно для мальчика твоего возраста. Скажи, где ты научился играть?

Я не собирался выпускать скрипку из рук, чтобы достать писчую бумагу, поэтому лишь пожал плечами в надежде, что он попросит сыграть что-нибудь еще.

– Я же сказала, Луи, что он не может говорить.

– То, чего лишены его голосовые связки, с лихвой возмещается мастерством скрипача. – Луи улыбнулся матери и повернулся ко мне: – Ты выдающийся музыкант для такого юного возраста. Теперь дай-ка я заберу скрипку, а ты посиди и попей чаю.

Когда Луи подошел ко мне, у меня возникло желание прижать скрипку к груди, повернуться и убежать со всех ног.

– Не волнуйся, молодой человек, – сказала Эвелин. – Теперь, когда я знаю, что ты замечательный скрипач, я буду как можно чаще просить, чтобы ты поиграл мне. Видишь ли, эта скрипка принадлежала моему мужу. Он тоже прекрасно играл на ней. Поэтому скрипка живет рядом со мной, у меня под кроватью. Ты можешь положить ее сюда.

Она указала на футляр, лежавший на полу. Пока Луи готовил чай, я осторожно положил скрипку в ее гнездышко. Имя изготовителя было выведено печатными буквами на внутренней стороне футляра. Я никогда не слышал о нем, но это не имело значения. Качество звука было не таким хорошим, как у папиной скрипки, хотя вполне приличным. Эвелин не попросила меня убрать футляр, поэтому он лежал рядом со мной, пока мы пили чай, и я слушал, как Луи рассказывает своей матери об инженерных курсах, которые он посещал.

– Возможно, после окончания учебы меня примут в команду разработчиков новой модели «Рено», – сообщил он.

– Конечно, я буду гордиться тобой, а главное – тогда ты сможешь жить поблизости, а не в далеком Лионе, как сейчас.

– Это ненадолго. Мне осталось лишь полтора года до получения диплома, и тогда я разошлю письма во все автомобильные компании. Посмотрим, кому пригодятся мои навыки.

– Даже в раннем детстве Луи был одержим автомобилями, – объяснила мне Эвелин. – В те дни на дорогах было мало автомобилей, но Луи рисовал то, что он считал современными моделями, и они очень близки по конструкции к автомобилям, которые выпускают сейчас. Разумеется, такое могут позволить себе лишь богатые люди...

– Скоро все будет по-другому, мама. Когда-нибудь в каждой семье, включая нашу, будет собственный автомобиль.

Я решил, что у меня в желудке еще есть свободное место, и взял с тарелки последний ломтик пирога.

– Итак, что тебе больше всего нравится? – поинтересовался Луи.

Я достал листок бумаги и написал три слова:

«Еда!»

«Скрипка».

«Книги».

Внизу я добавил «чтение» в круглых скобках и протянул ему записку.

– Понятно. – Луи усмехнулся, когда прочитал это. – Первые два пункта я сегодня видел в действии. Ты когда-то мог говорить?

Я кивнул, не желая отнекиваться и тратить время на размышление.

– Можно спросить, что случилось? Отчего ты стал немым?

Я пожал плечами и покачал головой.

– Не наше дело спрашивать об этом, – вмешалась Эвелин. – Он сам расскажет, когда будет готов, правда?

Я кивнул и печально свесил голову. Мнимая немота помогала мне совершенствовать актерские навыки.

– Подложи дров в камин, Луи: ночи становятся действительно холодными. – Эвелин зябко передернула плечами. – Я не люблю зиму, а ты, молодой человек?

Я энергично покачал головой.

– Но Рождество хотя бы приносит свет в наши дома и согревает сердца. Мы всегда ждем его. Тебе нравится Рождество?

Я посмотрел на нее, потом закрыл глаза, вспоминая тот день, когда в очаге ярко пылал огонь и мы разделили скромные подарки после посещения церкви. Там было мясо на ужин и некоторые особенные деликатесы, приготовленные для этого дня. Я очень радовался, хотя сейчас это воспоминание было похоже на книжную иллюстрацию, как будто оно не принадлежало мне.

– Надеюсь, я смогу приехать к тебе на Рождество, мама, – сказал Луи. – Я буду экономить, насколько смогу.

– Знаю, милый. Конечно же, – добавила Эвелин, обращаясь и ко мне. – Рождество – это самое оживленное время в году. Мсье Ландовски любит устраивать вечеринки для своих

друзей, поэтому, наверное, нам лучше встретиться после Рождества, когда билеты на поезд будут подешевле.

– Может быть, посмотрим. Очень жаль, но мне уже пора.

– Разумеется, – согласилась Эвелин, но я видел, как погрузнел ее взгляд. – Позволь собрать тебе еды в дорогу.

– Пожалуйста, мама, оставайся на месте, – сказал Луи, жестом попросив ее не вставать со стула. – Мы плотно поели, и я готов поклясться, что этого пирога мне хватит, чтобы добраться без лишней крошки во рту. Наверное, ты заметил, что моя мама любит кормить людей, – добавил он в мою сторону.

Я встал, поскольку не хотел присутствовать при печальной сцене расставания матери и сына. Я обнял Эвелин, потом пожал руку Луи.

– Было очень приятно познакомиться с тобой, и спасибо за то, что составляешь маме компанию. Это полезно для нее. – Он улыбнулся.

– Ты хорошо знаешь мои слабости, – хохотнула Эвелин. – До свидания, молодой человек, увидимся завтра.

– И, может быть, во время моего следующего приезда у тебя будет имя, чтобы мы могли обращаться к тебе, – добавил Луи, когда я направился к двери.

Я пошел домой, размышляя над его словами. В принципе, я много раз задумывался над этим с тех пор, как стал немым. Я больше никому не сообщал свое настоящее имя, и это означало, что я могу выбрать любое имя, какое пожелаю. Вряд ли оно будет лучше моего настоящего имени, но было интересно думать о том, как я назову себя. Проблема в том, что у тебя уже *есть* имя, пусть даже самое ужасное на свете, но оно принадлежит тебе. Часто имя бывает первым, что другие люди узнают о тебе. Поэтому отделаться от выбранного имени гораздо труднее, чем это может показаться. За последние несколько недель я выдумал много возможных вариантов – просто потому, что мне не нравилось, когда другие люди не знают, как к тебе обращаться. Но подходящее имя так и не появилось, как бы я ни старался.

Отрезав себе щедрый ломоть багета и намазав его джемом (по воскресным вечерам члены семьи питались самостоятельно), я поднялся в свою мансарду и сел на кровать, глядя на стущавшийся сумрак за маленьким окном. Потом я достал свой дневник и добавил несколько строк к предыдущему абзацу.

Впервые за долгое время я снова играл на скрипке. Было восхитительно чувствовать в руке смычок и извлекать звуки из этого чудесного инструмента...

Мой карандаш замер в воздухе, когда я понял, что только что нашел идеальное имя для себя.

4

– Итак, статуя наконец готова. – Мсье Ландовски облегченно хлопнул ладонью по верстаку. – Но теперь этот сумасшедший бразилец хочет, чтобы я изготовил масштабную модель головы и рук его Христа. Голова должна быть высотой около четырех метров, так что она едва поместится в мастерской, а пальцы дотянутся до стропил. Нам предстоит, в буквальном смысле, испытать на себе тяжесть Божьей длани, – пошутил он. – Коста да Силва говорит, что, когда я закончу этот труд, он разделит мое творение на части, словно мясник тушу быка, чтобы доставить их по морю в Рио-де-Жанейро. Мне еще никогда не приходилось выполнять подобную работу, но... – Он вздохнул. – Возможно, я должен довериться его безумию.

– Пожалуй, у вас нет выбора, – согласился Лорен.

– Во всяком случае, Бройли, он оплачивает наши счета, хотя я не смогу принимать новые заказы до тех пор, пока голова и руки нашего Спасителя не покинут мою мастерскую. Там просто не будет свободного места. Принеси мне слепки женских рук, которые ты сделал несколько месяцев назад. Мне нужен какой-то материал для начала работы.

Когда Лорен пошел в кладовую за слепками, я решил, что пора уходить. Я ощущал напряжение обоих мужчин. После ухода из студии я опустился на каменную скамью и запрокинул голову, уставившись в ясное ночное небо. Внезапно я задрожал от холода и впервые порадовался своему шерстяному джемперу. Ночь обещала быть морозной, но я не ожидал, что выпадет снег. Я повернул голову и поискал нужное место на небе, зная, что наступило время года, когда те, кто направил меня к моему новому дому, окажутся над Северным полушарием. Я уже видел их несколько раз, когда они слабо мерцали и часто были закрыты облаками, но сегодня они сияли ярко.

Я вздрогнул, как бывало каждый раз, когда кто-то незаметно подходил ко мне, и попытался выяснить, кто это. Из темноты появилась знакомая фигура Лорена, который уселся рядом со мной, пока я продолжал смотреть в небо.

– Любишь звезды? – спросил он.

Я улыбнулся и кивнул.

– Это пояс Ориона. – Лорен указал в ночное небо. – А рядом – звездное скопление, которое называется Семь Сестер. Их родители, Атлант и Плейона, присматривают за ними.

Я следовал взглядом за его пальцем, пока он чертил линии между звездами, не осмеливаясь посмотреть на него, иначе он бы заметил мое изумление.

– Мой отец интересовался астрономией и держал телескоп в одной из чердачных комнат нашего дома, – объяснил Лорен. – Иногда в ясную ночь он выводил нас на крышу и рассказывал о звездах. Однажды я увидел падающую звезду и подумал, что это самое большое волшебство на свете. – Он опустил голову и пристально посмотрел на меня. – У тебя есть родители?

Я продолжал смотреть на звезды и сделал вид, будто не слышал его.

– Ну ладно, мне пора идти. – Он похлопал меня по затылку. – Спокойной ночи.

Я смотрел, как он уходит, и думал о том, что сейчас (по крайней мере, после эпизода со скрипкой) был как никогда близок к тому, чтобы заговорить. Из всех звезд и созвездий, которые он называл... Я знал, что о них существуют легенды, но почему-то всегда считал их *своим* секретом и не был уверен, нравится ли мне, что кто-то другой тоже считает их особенными.

«Только посмотри на Семь Сестер, сынок. Они всегда будут там, наблюдая за тобой и защищая тебя, когда я не смогу этого сделать...»

Я наизусть помнил истории о них. Когда я был гораздо младше, то слушал папу, который рассказывал мне о древних чудесах. Я знал, что они были существами не только из греческой мифологии, но и из многих легенд по всему миру, и в моей душе они были реальными: семь женщин, наблюдавших за мной с небосвода. В то время, как другим детям рассказывали об ангелах, простиравших крылья над ними, Майя, Альциона, Астеропа, Келено, Тайгете, Электра и Мериоп были моими приемными матерями. Я считал себя счастливым, потому что, если одной из них не было видно в ту или иную ночь, другие оставались на месте. Иногда я думал, что если собрать их вместе, то получится идеал женщины, подобный Богоматери. И хотя с тех пор я вырос, мои мечты о сестрах сохраняли реальность, и они приходили ко мне на помощь. Они не исчезали, потому что я нуждался в них. Я снова посмотрел на них, потом встал со скамьи и со всех ног побежал в мансарду, чтобы снова выглянуть из окна. И... ДА! Они были видны и оттуда.

Наверное, в ту ночь я спал так крепко и хорошо, как никогда, зная, что мои стражи были на месте и озаряли меня своим защитным светом.

* * *

По дому распространились слухи о том, что я умею играть на скрипке.

– Они хотят послушать, как ты играешь, – сказала Эвелин. – И ты поиграешь им в воскресенье.

Я надулся, но больше от страха, чем от досады. Одно дело – играть для экономки, и совсем другое – для членов семьи Ландовски, тем более что Марсель был талантливым пианистом.

– Не беспокойся, ты можешь попрактиковаться, – сказала Эвелин и вручила мне скрипку. – Приходи днем, когда все остальные заняты своими делами. Тебе не нужно репетировать, мой дорогой, но, возможно, ты будешь чувствовать себя увереннее. Ты много произведений знаешь наизусть?

Я кивнул.

– Тогда ты выбери как минимум два-три, – посоветовала она.

Поэтому следующие несколько дней я приходил в маленький дом Эвелин, пока она работала неподалеку, закрывал окна от любопытных глаз и ушей и исполнял свои любимые фрагменты. Эвелин была права: мои пальцы отчасти утратили былую гибкость, вероятно, из-за того, что мне пришлось вынести по пути во Францию. После долгих раздумий я выбрал три композиции. Первую – потому, что она звучала очень впечатляюще, но была довольно простой для исполнения. Вторая была технически сложным фрагментом на тот случай, если кто-то из членов семьи обладал достаточными знаниями об игре на скрипке, чтобы судить о моем мастерстве. А третья была моим любимым образцом скрипичной музыки, и мне просто нравилось исполнять ее.

«Представление» должно было состояться перед ланчем в воскресенье. Даже слуг пригласили прийти на прослушивание. Уверен, что супруги Ландовски старались ради того, чтобы я чувствовал себя особенным, но у меня возникало неприятное ощущение испытания на прочность. Так или иначе, я был уверен в их доброте и понимал, что у меня нет иного выбора, кроме выступления перед ними. Это было страшно, поскольку до сих пор я играл только перед своей семьей, и для меня не имело значения ничье мнение, кроме отцовского. Но речь шла о знаменитом скульпторе и членах его семьи, обладавших немалыми музыкальными талантами.

Я плохо спал в предыдущую ночь, ворочаясь с боку на бок и желая сбежать в маленький дом Эвелин, чтобы упражняться до тех пор, пока скрипка не станет продолжением моих рук, как завещал отец.

Утром в воскресенье я упражнялся, пока у меня едва не отвалились пальцы. Потом пришла Эвелин, которая велела мне подняться в мансарду и переодеться. На кухне она «привела меня в порядок», то есть смочила мне волосы и зачесала их назад, а потом вытерла мне лицо фланелевым платком.

– Ну вот, теперь ты готов. – Она улыбнулась и притянула меня к себе. – Помни, я горжусь тобой!

Когда она отпустила меня, я увидел слезы в ее глазах.

Меня пригласили в гостиную, где члены семьи собрались вокруг жарко натопленного камина. Все держали в руках бокалы вина и смотрели на меня, я встал перед ними.

– Не надо нервничать, мой мальчик, хорошо? – сказал мсье Ландовски. – Играй что хочешь, когда будешь готов.

Я пристроил скрипку у подбородка и немного пошевелил инструмент, чтобы он лег поудобнее. Потом закрыл глаза и мысленно попросил всех моих защитников, включая папу, собраться вокруг меня. Потом я поднял смычок и заиграл.

Когда я закончил последний музыкальный фрагмент, наступила жуткая тишина. Вся моя уверенность ушла в пятки. Что мог знать папа? Что могли знать экономка и ее сын-инженер? Я почувствовал, что заливаюсь краской; мне хотелось повернуться и убежать. Должно быть, мой слух притупился от уныния, потому что когда я пришел в себя, то услышал аплодисменты. Даже Марсель выглядел изумленным и вдохновленным.

– Браво, молодой человек! – произнес мсье Ландовски. – Браво! Мне лишь хотелось бы узнать, где ты научился такому мастерству. Может быть, все-таки расскажешь? – добавил он почти умоляющим тоном.

– Серьезно, это очень и очень хорошо, особенно для твоего возраста, – сказал Марсель, умудрившись совместить комплимент с покровительственной манерой речи.

– Отличная работа, – сказала мадам Ландовски, похлопав меня по плечу и одарив теплой улыбкой. – А теперь нам пора на ланч, – добавила она, когда в коридоре прозвенел колокольчик.

За столом было много разговоров о моем невероятном мастерстве, а после подачи главного блюда члены семьи засыпали меня хитроумными вопросами, на которые приходилось отвечать кивком или качать головой. Хотя я испытывал определенное неудобство, поскольку они относились к загадочному периоду моей жизни как к интеллектуальной игре, я понимал, что никто из них не хотел обидеть меня. Если я не хотел отвечать на какой-то вопрос, то просто не отвечал.

– Мы должны найти для тебя преподавателя музыки, молодой человек, – сказал мсье Ландовски. – У меня есть друг в консерватории. Рахманинов должен знать, где найти хорошего учителя.

– Папа, в консерваторию принимают гораздо более старших учеников, – вставил Марсель.

– Да, но это не просто ученик. Наш юный друг обладает выдающимся талантом. Известно, что никакой возраст не препятствует развитию таланта. Я посмотрю, что можно сделать, – сказал мсье Ландовски и подмигнул мне. Я увидел, как надулся Марсель.

Незадолго до того, как все поднялись из-за стола после десерта, я принял решение. Мне очень хотелось преподнести мсье Ландовски особый подарок за все, что он сделал для меня. Я взял листок бумаги и написал несколько слов. Когда все начали выходить из комнаты, я жестом остановил мсье Ландовски и слегка дрожащей рукой передал ему листок.

– Вот оно как. – Он добродушно хмыкнул, когда прочитал три слова. – После твоего сегодняшнего выступления этого можно было ожидать. Полагаю, это прозвище связано с твоим талантом? Потому что ты *bon violoniste*⁵?

Я кивнул.

– Отлично, тогда я извещу членов семьи. Спасибо за доверие; я понимаю, как это трудно для тебя.

Я вышел в коридор и бегом поднялся в свою комнату, где встал перед зеркалом и посмотрел на себя. Потом я открыл рот и произнес:

– Меня зовут Бо.

* * *

Для меня нашли учителя-скрипача, и после Рождества мне предстояло съездить в Париж, чтобы сыграть перед ним. Я не знал, какая перспектива была более волнующей: возможность выступить перед настоящим скрипачом или приехать в Париж вместе с Эвелин.

⁵ Хороший скрипач (*фр.*).

– Париж, – прошептал я, лежа под одеялом. Эвелин велела горничным обеспечить меня толстым шерстяным одеялом, и теперь часы, проведенные в уютной и теплой постели, были для меня одними из лучших. Я испытывал забавное ощущение в животе, которое помнил с тех пор, когда был маленьким и в моем сердце еще не поселился страх. Как будто маленькие пузырьки поднимались из моего живота к груди, заставляя мои губы изгибаться в улыбке. Думаю, для этого чувства существовало слово *предвкушение*. Я почти не осмеливался испытывать его, поскольку оно вело к подлинной радости, а мне не хотелось слишком радоваться, потому что тогда могло случиться нечто ужасное, например, Ландовски больше не захотят видеть меня под своей крышей, и тогда будет еще труднее снова справляться с голодом, одиночеством и безденежьем. Скрипка спасла меня, она сделала меня еще более «курьезным», как Ландовски сказал Лорену на следующий день в своей студии (мне пришлось поискать значение слова «курьезный», так как оно отсутствовало в моем словаре).

Итак, если я хотел остаться, мне нужно было сохранять как можно большую «курьезность», а также быть полезным по дому, что в целом было очень утомительным делом. Рождество неумолимо приближалось, а вокруг все тайно перешептывались насчет подарков. Это сильно беспокоило меня, поскольку у меня, конечно же, не было денег на рождественские покупки, а я боялся, что добрые члены семьи завалят меня ими. Во время одного из моих вечерних визитов я поделился своими опасениями с Эвелин.

Она прочитала записку «Откуда мне взять деньги на подарки?», потом посмотрела на меня, и я понял, что она тоже размышляла об этом.

– Я могла бы одолжить тебе денег на маленькие подарки для всех, но знаю, что ты откажешься брать их и что Ландовски будут интересоваться, откуда взялись деньги... если ты понимаешь, что я имею в виду. – Она закатила глаза. Думаю, она имела в виду, что меня могли заподозрить в краже, что было бы крайне неприятно.

Эвелин попросила меня приготовить какао, пока она будет думать об этом, и я ушел на кухню. К тому времени, когда я поставил кружку перед Эвелин, у нее появился план.

– Ты проводишь много времени в мастерской Ландовски и стараешься обрабатывать камни?

Я кивнул, потом взял листок бумаги и написал: «Да, но у меня очень плохо получается».

– Ну, кто может быть хорош в таком деле, кроме гения вроде мсье Ландовски? Но у тебя есть практика в работе с резцом, так что я посоветовала бы тебе попробовать более легкий материал, вроде дерева, и вырезать маленькие безделушки для каждого члена семьи в качестве рождественских подарков. Это порадует мсье Ландовски, так как он поймет, что месяцы твоих наблюдений и учебы не пропали впустую и ты получил полезный навык.

Я энергично закивал. Хотя Эвелин часто называла себя необразованной женщиной, она иногда предлагала самые блестящие идеи.

Поэтому я нашел деревянные плашки среди кучи дров в сарае. Каждое утро, еще до того, как просыпались остальные, я садился за верстак и начинал тренироваться. Эвелин оказалась права в выборе дерева вместо камня. Это было все равно что учиться играть на жестяном свистке вместо флейты. Кроме того, я видел, как другие занимались этим делом в моем старом доме.

Мой старый дом... вот как я начинал думать о нем сейчас.

Поэтому за три недели до Рождества мне удалось вырезать для членов семьи такие подарки, которые, я надеялся, они смогут оценить. Работа над подарком для мсье Ландовски заняла больше всего времени, поскольку я хотел вырезать маленькую деревянную копию его любимой статуи Христа. В сущности, я потратил на это столько времени, сколько на все остальные фигурки, вместе взятые.

В последние недели мсье Ландовски приходилось туго, особенно после заявления бразильского архитектора, что единственным способом транспортировки того, что я называл

«Христовой шубой» (бетонного покрытия, которое должно было поддерживать и защищать статую), было разделить ее на отдельные части. Судя по тому, что я слышал, так будет меньше шансов на растрескивание статуи во время долгого пути из Франции до Рио. Мсье Ландовски ужасно нервничал, поскольку он считал, что ему нужно отправиться вместе со своим драгоценным Христом, чтобы присматривать за безопасностью, но путешествие туда и обратно было очень долгим, а у него не было столько времени, потому что голова Сунь Ятсена и его глаза еще требовали завершающей обработки.

Мне пришло в голову идеальное решение для всех: лучшей сиделкой для статуи Христа будет Лорен. Это не только означало, что мсье Ландовски сможет остаться здесь... Возможно, Лорен встретится в Рио со своей возлюбленной, что сделает его гораздо счастливее, и он перестанет проводить ночи на улицах Монпарнаса (мне отчаянно хотелось увидеть это место, хотя мсье Ландовски неоднократно жаловался, что там полно нищих, безалаберных художников и воров). Я был уже готов предложить это решение, но, к счастью, Лорен обрел здравомыслие и сам предложил свою кандидатуру. Сначала мсье Ландовски колебался, поскольку, откровенно говоря, в последнее время Лорен не производил впечатления надежного человека. Но после многократных заверений в том, что если понадобится, то он будет спать в трюме вместе с фрагментами статуи Христа и не прикоснется к спиртному, пока *Cristo* будет находиться под его опекой, все решили, что это будет к лучшему. Радостное предвкушение в глазах Лорена было приятным зрелищем, и я надеялся, что в один прекрасный день мне повезет испытать эту самую «любовь», которая зажигала его изнутри, когда он думал о встрече со своим прекрасным ангелом, Изабеллой.

Боль и удовольствие, думал я, пока заворачивал свою резную статуэтку Христа в коричневую бумагу для подарков, полученную от Эвелин.

– Ты несовершенен, но ты хотя бы цельный, – с улыбкой прошептал я, когда завернул бумагу над его не вполне симметричным лицом.

Закончив обертывание своих творений, я сложил их в своем комод. Потом, когда сгустились сумерки, я спустился вниз и на цыпочках прошел в гостиную, чтобы полюбоваться на елку, которую принесли раньше, потому что сегодня был канун Рождества. Я видел, как члены семьи украшали ее ветви сосновыми шишками, подвешенными на лентах, и каждый из нас оставил под деревом пару носков, чтобы Пэр Ноэль, французский Дед Мороз, положил туда свои подарки. Мсье Ландовски сказал мне, что это старинная французская традиция, которая радует взрослых наравне с детьми. Потом они прикрепили свечи к концам веток и зажгли их, когда на улице начало темнеть. Это было самое прелестное зрелище, особенно теперь, в темной комнате.

– Все смотришь на нее, мальчик?

Голос человека, о котором я только что думал, заставил меня вздрогнуть. Я повернулся и посмотрел на мсье Ландовски, который пока не торопился обращаться ко мне по новому прозвищу.

– Когда я смотрю на елку в канун Рождества, мне неизменно приходит на ум музыка Чайковского. Ты знаешь партитуру «Щелкунчика»?

Я жестами показал, что знаю, но не очень хорошо. Папа не был большим поклонником Чайковского и говорил, что тот писал музыку на потребу слушателей, вместо того чтобы повышать уровень технического исполнения.

– Готов поспорить, ты не знаешь, что, когда Чайковский был в Париже, у него был инструмент под названием *челеста*. Его еще называют «колокольное пианино» из-за звуков, которые он издает. Это вдохновило его на создание «Танца феи Драже», и он вернулся в Россию с новым вдохновением для творчества.

Я этого не знал и нетерпеливо кивнул, ожидая продолжения разговора.

– Ты можешь исполнить «Увертюру»?

Я пожал плечами, что означало «может быть»; естественно, когда-то я исполнял ее, но мне нужно было попрактиковаться.

– Надеюсь, это поможет тебе вспомнить. Я собирался подняться к тебе и вручить лично. Подумал, что ты можешь засмущаться, если я сделаю это перед членами семьи.

В тусклом свете елочных свечей я увидел, как он достал из-за спины скрипичный футляр и протянул мне.

– Родители подарили мне скрипку, когда я был ребенком, но, боюсь, я никогда не выказывал особой склонности к игре на ней. Тем не менее я сохранил ее как родительский подарок. Сентиментальная ценность... ну, ты понимаешь.

Я понимал. На какое-то мгновение я оказался в ловушке между печалью обо всем, что был вынужден оставить позади во время своего бегства, и радостью от неожиданного подарка мсье Ландовски.

– Пусть лучше она будет звучать в руках талантливого скрипача, чем лежать на моем гардеробе и собирать пыль.

Я машинально открыл рот, настолько ошеломленный его щедростью и возможностями владения собственной скрипкой, что едва не заговорил. Я посмотрел на футляр у меня в руках и поцеловал его, а потом подошел к мсье Ландовски и неловко обнял его. Через несколько секунд он отстранился, взяв меня за плечи.

– Возможно, однажды ты сможешь довериться мне и произнести вслух свою невысказанную благодарность. А пока счастливого Рождества.

Я энергично кивнул и посмотрел, как он выходит из комнаты.

Наверху, – зная о том, что горничные по-прежнему находятся на кухне, пьют ликер, пахнущий, как бензин, и поют песни, вовсе не похожие на рождественские гимны, – я с сильно бьющимся сердцем положил скрипичный футляр на кровать и открыл его. Внутри лежала скрипка, сделанная для мальчика вроде меня, ее первоначального владельца. С ней было гораздо легче обращаться, чем со взрослым инструментом, который одалживала мне Эвелин в своей неизреченной доброте. Когда я вынул скрипку, то увидел признаки возраста: царапины на ореховом лаке и пыль на струнах.

Я благоговейно поднял скрипку ко рту и подул на нее, наблюдая за тем, как пылинки освобождаются из своей тюрьмы и порхают по спальне. Завтра я собирался открыть окно и выпустить их на волю. Потом я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер струны. Я вынул смычок и пристроил инструмент у подбородка. Даже если бы я постарался, он не смог бы лечь удобнее. Потом я поднял смычок, закрыл глаза и заиграл.

Мое сердце захотело выскочить из груди и присоединиться к пылинкам, когда я услышал сочные звуки добротной изготовленной скрипки. Да, струны требовали определенной настройки после долгих лет простоя, но это было просто. Вдохновленный историей мсье Ландовски о «Щелкунчике», я исполнил несколько первых аккордов из «Увертюры». Потом я громко рассмеялся и затанцевал по комнате, наигрывая веселую народную песенку, которую часто исполнял дома, когда дела шли хуже обычного. Задышавшись от чувств, я внезапно ощутил головокружение и прилег на кровать, а когда в голове прояснилось, выпил воды из фляжки, лежавшей в буфете рядом со мной.

Только подумать, в то же время в прошлом году мне казалось, что я никогда не увижу следующего Рождества! Но здесь концовка оказалась счастливой, как у Клары, когда она поняла, что все происходило во сне⁶. А возможно, это было новое начало.

Я последний раз провел смычком по струнам... моего инструмента, потом убрал его и спрятал под одеялом в ногах кровати, так что мог прикасаться к футляру пальцами ног. Устроившись на подушках, я улыбнулся и произнес:

⁶ Судя по всему, имеется в виду «Клара Милич» И. С. Тургенева. (Прим. пер.)

– Меня зовут Бо, и у меня *будет* счастливая жизнь.

* * *

После очень радостных событий в семье Ландовски, особенно вечеринки в канун Нового года, когда мсье пригласил множество своих друзей из творческих кругов, я отсчитывал дни до прослушивания у моего предполагаемого учителя музыки. Никто не упоминал его имени, а я не спрашивал, так как если он работал в консерватории, где учился Рахманинов, то его компетенция была вне всяких сомнений.

Я играл так часто, как только мог, за что получил разнос от горничных, заявивших, что мое «пиликанье на этой штуке» после полуночи заставляло их накрывать головы подушками.

Я всячески извинялся, а когда посмотрел на часы, то понял, что они были правы. Я утратил представление о времени.

Великий день наступил, когда Эвелин ворвалась в мою комнату и предложила мне надеть серый блейзер Марселя на рубашку и шерстяной джемпер.

– Нам пора идти. Автобус ходит по своему расписанию, а не по тому, что висит на остановке.

Она продолжала говорить, пока мы шли по дороге к поселку, но я почти не слушал, даже когда она начала досадливо расхаживать взад-вперед, сетуя перед остальными пассажирами на ненадежность автобусных маршрутов и на то, что в Булонь-Бийанкуре теперь делают автомобили и самолеты, но не могут вовремя подать автобус. Между тем я находился в ином мире, где видел ноты у себя в голове и старался вспомнить папины наставления о «жизни в музыке» и ощущении ее души. Даже когда мы ехали в Париж – город, о котором папа так много рассказывал, – я сидел с закрытыми глазами, зная о том, что смогу оценить его красоту в другое время, но сейчас важнее всего была скрипка, лежавшая у меня на коленях, и ноты, которые я буду извлекать из нее.

– Давай же, не отставай, – укорила меня Эвелин, поскольку я прижимал скрипку к груди обеими руками так, что экономка не могла держать меня за руку. Широкие мостовые были обсажены деревьями, заполнены людьми и... вот оно! Эта конструкция была мгновенно узнаваема – Эйфелева башня! Я все еще смотрел на нее, когда Эвелин остановилась.

– Вот мы и на месте: рю де Мадрид, дом номер четырнадцать. Теперь зайдем внутрь.

Я посмотрел на большое желтое здание, занимавшее почти всю сторону улицы, с тремя рядами высоких окон и дополнительными мансардными окошками наверху. Латунная табличка гласила, что здесь находится знаменитая Парижская консерватория.

Хотя Эвелин объявила о намерении войти внутрь, мне пришлось подождать, пока она подкрашивала губы и поправляла волосы вокруг своей лучшей шляпки. За входом находилась величественная приемная зала с портретами композиторов. Деревянный пол был натерт до блеска, в центре за круглым секретарским столом сидела женщина, к которой сразу же направилась Эвелин. Свет лился из окон, выходивших на улицу и большой парк.

Я был очень рад, когда суровая дама за столом наконец кивнула и велела нам отправиться в четвертую комнату на втором этаже. Она указала на конструкцию, похожую на клетку для медведя, и, когда я направился к лестничному пролету, Эвелин потянула меня к клетке и нажала кнопку сбоку от нее.

– Ты сошел с ума, если думаешь, что я буду подниматься пешком на два лестничных пролета, когда здесь есть лифт.

Я хотел спросить, что такое «лифт», но потом увидел большую коробку, опускавшуюся в клетку, и происходящее обрело некий смысл. Хотя перспектива выглядела волнующей, я не хотел рисковать. Я указал на лестницу и побежал вверх, прыгая через две ступеньки. Когда я оказался возле другой клетки, точь-в-точь похожей на первую, Эвелин на месте еще не было,

и я заподозрил худшее, но потом услышал жужжащий звук, и коробка выскочила снизу. Дверь открылась, и Эвелин вышла наружу, целая и невредимая.

– Стало быть, ты никогда не видел лифт? – спросила она.

Я покачал головой, все еще дивясь этому чуду.

– Если захочешь, можешь присоединиться ко мне на обратном пути. Это будет интересно. А теперь давай поищем четвертую комнату.

Эвелин направилась к коридору, где из-за закрытых дверей доносились звуки игры на разных музыкальных инструментах. Мы остановились перед четвертой комнатой, и Эвелин коротко постучалась в дверь. Ответа не последовало. Через несколько секунд она постучалась снова.

– Никого нет. – Она пожала плечами, потом очень медленно и тихо повернула дверную ручку и подтолкнула дверь, чтобы можно было заглянуть внутрь.

– Да, тут никого нет. Придется подождать, верно?

Поэтому мы стали ждать. Люди склонны к преувеличениям, когда говорят о «счастливейших», «худших» или «скучнейших» моментах своей жизни, но хотя я не помню, сколько времени мы провели в ожидании человека, который должен был определить, гожусь ли я ему в ученики, мне оно показалось очень долгим. К моей досаде, каждый раз, когда кто-то выходил из жужжащего лифта, и я представлял, что это будет *тот самый* человек, он либо уходил в другую сторону, либо равнодушно проходил мимо.

– Охо-хо, – пробормотала Эвелин, переминаясь с ноги на ногу, и я понял, что ей больно стоять. – Кем бы ни был этот учитель, у него весьма грубые манеры.

Наконец, когда она начала ворчать о том, что произошла какая-то ошибка, и поговаривать об уходе, открылась дверь в дальнем конце коридора, откуда вышел высокий молодой человек с очень бледной кожей и темными волосами. Он направился к нам нетвердой походкой, и мне показалось, что он немного пьян.

– Нижайше прошу прощения, – произнес он. – Перед вашим приходом я провел урок с другим учеником и решил немного отдохнуть. Боюсь, я заснул.

Он протянул руку Эвелин, и она неохотно пожала ее.

– Извините, мадам и юный мсье, – повторил он. – Я целыми днями работаю здесь, а по ночам часто лежу без сна. Итак, мадам, поскольку вы доставили драгоценный груз, почему бы вам не спуститься на лифте и не подождать в вестибюле, где есть удобные кресла? Скажите Виолетте, что Иван просит принести вам чаю или кофе, чего изволите отведать.

Эвелин облегченно выдохнула, но она явно сомневалась, стоит ли оставлять меня с незнакомым человеком, изыскавшимся в старомодном и высокопарном стиле. Наконец усталость победила, и Эвелин кивнула.

– Когда закончишь, сразу спускайся вниз, – обратилась она ко мне. – Ты понимаешь, Бо? Я кивнул.

– Вы знаете, что он немой? – спросила она мсье Ивана.

– Да, но музыка будет говорить за него, не так ли?

Он открыл дверь и пригласил меня в комнату.

Даже вечером, когда я сделал запись в своем дневнике, – а потом другую запись в тайном дневнике, который вы читаете, – у меня оставались лишь смутные впечатления от времени, проведенного в обществе мсье Ивана. Я помню, что первым делом он предложил мне исполнить то, что назвал моими «композициями для вечеринки». Потом он достал партитуру для проверки моего умения читать с листа, а затем взял собственную скрипку и сыграл ряд гамм и арпеджио, которые мне нужно было воспроизвести. Все это происходило очень быстро. Наконец он подвел меня к маленькому деревянному столу со стульями и велел сесть.

Мсье Иван отодвинул стул, выругался и посмотрел на свой палец. Потом сказал что-то еще, и я понял, что он говорит по-русски.

– Вот еще и заноза, которую мне придется вытаскивать сегодня вечером. Некоторые мелочи жалят больше всего, согласен?

Я кивнул, хотя от моего согласия или несогласия ничего не зависело. Мне хотелось угодить этому человеку больше, чем кому-либо другому после разлуки с папой.

– Как мы будем общаться, если ты не говоришь?

Готовый к этому вопросу, я достал из кармана бумагу и карандаш.

– Тебя зовут Бо?

«Да», – написал я.

– Сколько тебе лет?

«Десять».

– Где твои родители?

«Моя мать умерла, и я не знаю, где мой отец».

– Откуда ты родом?

«Не знаю».

– Я тебе не верю, юный мсье, и у меня уже есть кое-какие подозрения, но мы едва знакомы. Кроме того, все мы, эмигранты, не любим просто так делиться личной информацией, верно?

«Да», – написал я, тронутый его пониманием и тем, что он не считает меня ребенком со странностями, как все остальные.

– Кто научил тебя играть на скрипке?

«Папа».

– Сколько времени прошло после твоего последнего урока?

«Три или четыре года».

– Мне еще не попадались столь одаренные музыканты в таком юном возрасте. Это весьма экстраординарно. Твое понимание музыки происходит естественным образом, что скрывает изъяны в твоей технике. Меня впечатляет, что ты не позволил нервозности одержать верх, хотя я полагаю, что шанс обучения в консерватории очень много значит для тебя.

«Да», – написал я.

– Хм-ммм...

Он уперся двумя пальцами в подбородок и поводил ими вверх-вниз и вправо-влево, словно размышляя, насколько я достоин обучения.

– Как ты можешь представить, много родителей приходят ко мне со своими маленькими гениями. С детьми, которые получили лучшие скрипки и частных учителей, и те заставляют их упражняться до изнеможения. Хотя с технической точки зрения они гораздо лучше тебя, я часто вижу, что они не вкладывают душу в свою музыку. Иными словами, это дрессированные обезьяны, проекция родительского самомнения. К тебе это определенно не относится, поскольку ты безродный сирота, а твой опекун едва ли нуждается в чужом ребенке, чтобы производить впечатление на своих друзей, поскольку *он сам* очень талантлив. Так что... хотя в твоей технике есть изъяны, в этом нет никакого неуважения к твоему отцу. Полагаю, он не был профессионалом?

Я покачал головой, как будто любое возражение было бы неуважительным *с моей* стороны.

– Не надо печалиться, юный мсье. Я вижу, что он учил тебя с любовью. И он открыл тебе талант, гораздо более великий, чем его собственное дарование. В какой школе ты сейчас учишься?

«Ни в какой. Немых детей не берут в школу».

– Хотя это не мое дело, тут нет ничего хорошего. Я знаю, что ты можешь говорить, не только потому, что мне сообщили об этом, но и по твоим рефлексным попыткам удержаться от ответов во время нашего разговора. Думаю, что ты находишься среди добрых и хороших

людей, но, какие бы ужасные вещи ни случились в твоём прошлом, ты не осмеливаешься заговорить. Ради твоего же блага я надеюсь, что настанет время, когда это произойдет. Как бы то ни было, я говорю это как человек, тоже немало пострадавший после отъезда из России. Столько войн, столько страданий всего лишь за пятнадцать лет человеческой истории! Мы с тобой разделяем тяжесть этой судьбы. Только один совет, мой юный друг: не позволяй дурным людям одержать победу над тобой, хорошо? Они так много отобрали у тебя, твоё прошлое и твою семью. Не позволяй им захватить твоё будущее.

К моему замешательству, мои глаза наполнились слезами. Я медленно кивнул и потянулся за носовым платком.

– Прости, что довел тебя до слез. Я позволил себе слишком вольные выражения. Но хорошая новость состоит в том, что если у тебя нет школы, то мне будет гораздо проще включить тебя в расписание моих занятий. Давай-ка посмотрим...

Он достал блокнот из кармана пиджака и начал перелистывать страницы. Исписанных было немного, потому что январь наступил совсем недавно.

– Мы начнем с двух занятий в неделю. У меня есть свободное время в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Посмотрим, как пойдет дело, но у меня есть хорошее предчувствие насчет тебя. А теперь я отведу тебя к опекунке; она производит впечатление доброй женщины.

Я кивнул. Он встал и направился к выходу из комнаты, чтобы проводить меня к лифту. Но тут я кое-что вспомнил и поспешно написал:

«Сколько я должен за каждый урок?»

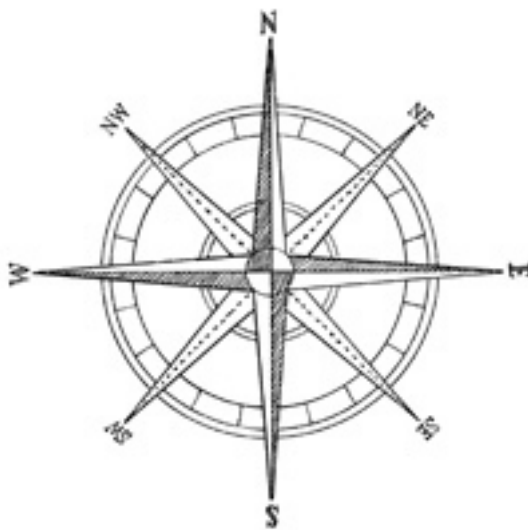
– Я поговорю с мсье Ландовски, но мы, эмигранты, должны держаться вместе, не так ли?

Он так сильно хлопнул меня по спине, что я едва не упал в лифтовую кабину. Потом закрыл дверь, нажал кнопку, и мы поехали вниз. Я подумал, не то же ли самое ощущают птицы в полете, но усомнился в этом. Тем не менее все хорошо устроилось, и я с надеждой смотрел в будущее. *Если* Иван и мсье Ландовски договорятся насчет цены.

– Мадам, ваш мальчик произвел настоящий фурор! Я, несомненно, буду заниматься с ним, в одиннадцать утра по вторникам и в два часа дня по пятницам. Передайте мсье Ландовски, что я позвоню ему, чтобы обсудить подробности. Доброго пути домой!

Мсье Иван подмигнул мне, улыбнулся и зашагал к лифту.

Мерри

*Дублин – Ницца
Июль 2008 года*

5

Я закрыла старый дневник в кожаной обложке и посмотрела в иллюминатор реактивного самолета. Мое намерение поспать испарилось после чтения письма, направившего меня к дневнику, который теперь лежал у меня на коленях. Атлас, человек, называвший себя моим отцом, писал с глубоким сожалением:

«Я не могу выразить или объяснить любовь, которую испытывал к тебе, поскольку знал о твоём скором рождении. Я не могу рассказать тебе в этом письме, какие меры я предпринимал для поисков тебя и твоей матери, ведь вы были так жестоко отняты у меня перед твоим рождением...»

Эмоциональный груз последних нескольких недель тяжело давил на меня, и я чувствовала, как мои глаза наполняются слезами. В тот момент мне больше всего хотелось оказаться в объятиях моего мужа Джока, безвременно ушедшего от меня.

– Если бы только ты был здесь. – Я промокнула глаза одной из шелковых салфеток, находившихся в боковом кармане роскошного кожаного кресла. – Тебе бы наверняка понравилось это пятизвездочное обслуживание.

В письме от Атласа было обещано, что его дневник раскроет секрет моего истинного происхождения, но текст был огромным. После чтения первого раздела я не приблизилась к пониманию истории его жизни и тем более моего места в ней. Кем бы ни был мой «отец», он, несомненно, прожил богатую жизнь. Хотя вступительный раздел дневника был написан десятилетним ребенком, его слова были зрелыми и мудрыми, как будто в теле мальчика обитала древняя душа.

Я покачала головой при мысли о том, что схема последних нескольких недель повторяется снова и снова. Каждый раз, когда мне казалось, что я приближаюсь к правде о своём прошлом, появляются новые тайны. Почему мальчик притворялся немым? Почему он считал, что

не может раскрыть свое подлинное имя? И какие события привели к тому, что его обнаружили под забором в пригороде Парижа? У меня складывалось впечатление, что Атлас слишком поздно начал вести дневник, чтобы я смогла понять полную картину.

«С другой стороны, – подумала я, – оказаться у двери знаменитого скульптора, стоявшего за созданием одного из новых семи чудес света – статуи Христа Спасителя, – было неплохим завершением первого жизненного этапа».

Я вздохнула, ощущая некую двусмысленность своего положения. Атлас доверил историю своей жизни мне, его биологической дочери, с которой он никогда не встречался, хотя мог позволить любимым приемным дочерям ознакомиться с этими записями. Это они, а не я, знали и любили своего дорогого Па Солта. Разве они не заслужили право первыми узнать его секреты?

Размышляя о своей нынешней ситуации, я старалась утихомирить тревожный трепет где-то в глубине моего существа. Я летела на частном реактивном самолете, чтобы присоединиться к группе совершенно незнакомых людей на роскошной яхте, совершавших плавание с целью возложить венок в память о человеке, связи с которым я пока не ощущала. Да, я мимолетно встретила с двумя сестрами, но этого было недостаточно, чтобы успокоить мои нервы. Я даже не представляла, знают ли другие сестры о моей предполагаемой генетической связи с их приемным отцом. Это, в сочетании с желанием Атласа, чтобы я первой прочитала его дневник, могло настроить сестер против меня.

Я пыталась найти утешение в мысли, что это они всячески пытались выследить меня, а не наоборот.

«Они хотят видеть тебя, Мерри», – внушала я себе.

Конечно, главным утешением было осознание того, что я лечу к собственным детям, Джеку и Мэри-Кэт, которые уже находились на борту «Титана». Я знала, как они были рады моему решению присоединиться к ним в этом круизе. Даже если шесть сестер окажутся большими на всю голову, мои дети хотя бы будут рядом. Они защитят меня и помогут мне сохранить здравый смысл до конца поездки. Насколько я знала, круиз должен был продолжаться шесть дней: трехдневное плавание от Ниццы до острова Делос, возложение венка и три дня на обратный путь. Кроме того, если мне станет невозможно, я смогу «покинуть корабль» на близлежащем острове Миконос, где имелся международный аэропорт.

Кто-то постучался в филленчатую дверь, отделявшую переднюю часть салона от задней.

– Да-да, входите, – сказала я, оторвавшись от раздумий.

Двернь отодвинулась и появилась высокая, сухопарая фигура Георга Гофмана. По-прежнему облаченный в безупречный черный костюм, он даже не ослабил узел галстука за время трехчасового полета.

– Добрый вечер, Мерри. Или, скорее, доброе утро... – Он покосился на выданные мне стюардом одеяло и подушку, которые остались неиспользованными и лежали на соседнем сиденье. – Насколько я понимаю, вы так и не отдохнули. Вы... вы открыли пакет?

– Да, Георг. Я прочитала письмо и, разумеется, принялась за дневник. Он такой огромный... Впрочем, вы знаете.

Усатое лицо Георга дрогнуло в слабом намеке на улыбку.

– Я долго хранил его, но клянусь, что не перевернул ни одной страницы. Он не мой, и я не имел права читать его.

– Значит, вы действительно не имеете представления об истории Атласа?

– О, нет, я этого не говорил. Хотя и не читал дневник. – Георг немного помедлил. – Я знаю... Я очень хорошо *знал* Атласа, вашего отца. Он был одновременно самым храбрым и самым добрейшим человеком, какого мне приходилось видеть.

– Сколько времени осталось до посадки?

– Пилот только что сообщил мне, что мы начнем заходить на посадку через несколько минут. В Ницце мы пересядем в автомобиль, который отвезет нас прямо в порт, где пришвартован «Титан».

Я выглянула в иллюминатор.

– Все еще темно, Георг. Который час?

Он взглянул на свои часы и приподнял брови.

– Около половины четвертого утра здесь, во Франции. Прошу прощения, я понимаю, каким стремительным для вас было такое развитие событий.

– И не говорите. Я до сих пор не знаю, правильно ли я поступила. То есть... Мне хотелось бы знать, известно ли другим дочерям... ну, согласно тому, что я прочитала... что я являюсь его настоящим ребенком?

Георг опустил глаза.

– Нет. Я... они считают вас «потерянной сестрой» из-за намерения Атласа удочерить вас, хотя он так и не достиг успеха. Должен признать, что, как ни странно это звучит, они даже не знают его подлинного имени. Как вам известно, они всегда называли его Па Солтом.

– Иисус, Мария и Иосиф, Георг! – Я схватилась за голову. – Я помню, что во время нашей встречи с Тигги, она работала над анаграммой и была близка к ответу. По крайней мере, одна из них знает! – добавила я с ноткой сарказма.

Георг кивнул.

– Мерри, вы должны понять, что я всего лишь наемный работник. Хотя я практически всю жизнь был знаком с вашим отцом и считал его близким другом, я обязан следовать его указаниям даже после его смерти.

– Тем не менее, Георг, похоже, что вы все знаете обо мне. Вы знали, где можно найти меня. Вы знали, что я, по всей видимости, дочь Атласа. И вы говорите, что все это стало известно за последние несколько недель?

– Я... да. – Георг неловко переминался с ноги на ногу.

– Поскольку Атлас умер год назад, где вы могли достать всю эту информацию? Кто рассказал вам о кольце, по которому меня нашли? – Усталость и раздражение начали прорываться наружу. – И как насчет Аргидин-Хауса? Каким образом вы узнали, что я родилась там?

Георг вынул носовой платок из нагрудного кармана и вытер лоб.

– Это отличные вопросы, Мерри, и я обещаю, что вы получите ответы. Но не от меня.

Его ответ не удовлетворил меня.

– Не хочу сказать ничего плохого о сестрах, но разве они не задавались вопросом, почему незнакомый человек решил удочерить их и назвать в честь звезд из скопления Плеяд? И о том, что их фамилия Деплеси является анаграммой от слова «Плеяды»?

– Они много раз задумывались об этом. Как вы узнаете, когда познакомитесь с ними, каждая из этих девушек не менее умна, чем человек, который вырастил их. Они поверили его объяснению, что их назвали в честь Плеяд и что их фамилия была отражением его любви к небосводу. Но они упустили из виду связующее звено – тот факт, что их имена означали происхождение от Атласа.

Я закрыла глаза. Перспектива войти в рукотворную сказку на борту «Титана» казалась все менее привлекательной.

– Вы много успели прочитать из его дневника?

– Совсем немного. Атлас еще ребенок. Его приняли в семью знаменитого скульптора.

Георг кивнул.

– Понятно. Вам еще многое предстоит узнать. Я обещаю, Мерри: чем больше вы читаете, тем яснее будет общая картина. Вы поймете, кем он был, кто вы на самом деле... и почему он удочерил шесть девочек.

– В том-то и дело, Георг. Не знаю, правильно ли, что я первой читаю его дневник. Вы сами сказали, что шесть других девочек выросли под опекой Атласа. Они любили его. А я его даже не знала. Думаю, другие должны были познакомиться с историей его жизни раньше меня.

– Я... понимаю, Мерри. Должно быть, это очень трудно. Но, пожалуйста, поймите: Атлас хотел, чтобы вы узнали его историю, как только мы сможем найти вас. Потому что это и ваша история. Всю свою жизнь он чувствовал себя виноватым за то, что вы думали, будто он отказался от вас, а это далеко от истины. Просто так получилось... стечение обстоятельств, над которыми мы не властны. Я не мог представить, что мы найдем вас вовремя, когда другие сестры соберутся возложить венок в честь годовщины его смерти. – Он слабо улыбнулся. – Можно сказать, что это было предназначено звездами.

– Что ж, вы можете так думать. Мне кажется, что звезды скорее разбегаются, чем складываются в предсказание. В письме сказано, что моя мать исчезла и что Атлас даже не знал, жива она или мертва. Полагаю, он также не знал, что меня подбросили на крыльцо к отцу О'Брайену? Георг покачал головой.

– Нет. Опять-таки советую вам обратиться к дневнику. Чтобы понять, почему их удочерили, другие сестры сначала должны узнать, кто вы такая на самом деле.

– Вы слышали историю о блудном сыне, Георг?

– Мне знакомо это название, но...

– В Евангелии от Луки Иисус рассказывает о сыне, который обращается к отцу с просьбой о наследстве, а потом бездумно проматывает деньги, живя среди роскоши и плотских удовольствий. Когда деньги заканчиваются, он возвращается к отцу и извиняется перед ним, но вместо гнева отец радуется возвращению сына и устраивает пир в его честь. А знаете, какова самая важная часть этой истории, Георг? Брат блудного сына вовсе не рад его возвращению. Этот брат долгие годы оставался рядом с отцом и не получил никакой награды. Если вы уловили суть, я не хочу оказаться блудной дочерью.

Георг нахмурился, растерянный моей твердой позицией.

– Мерри, я прошу вас понять, сестры будут только рады принять вас в семью, если вы того пожелаете. Они знают, как сильно их отец желал найти потерянную сестру, и, уверяю вас, вы не увидите от дочерей Атласа ничего, кроме любви. Вы ведь уже встречались с Тигги и Стар. Разве вы почувствовали какую-то недоброжелательность с их стороны?

Я потянулась и открыла футляр из кремовой кожи, где лежали бутылочки с минеральной водой. Отвинтила крышку и сделала глоток.

– Со стороны Тигги – нет. В основном благодаря ей я нахожусь на этом самолете. Но Стар изображала аристократическую «леди Сабрину», чтобы вытянуть из меня информацию. Дело в том, Георг, что я хорошо знаю, какими жестокими могут быть семейные распри. Что, если некоторые сестры будут рады узнать, что у Па Солта есть родная дочь, а другие вовсе не рады?

Я мысленно вернулась к недавнему откровению, что у меня и Бобби Нойро – того человека, который заставил меня уехать из Ирландии, – есть общая бабушка, Нуала.

– Из моих разговоров с Мэри-Кэт я узнала о другой сестре, знаменитой фотомодели Электре, которая, так сказать... не отличается мягким характером. – Я снова отпила из бутылочки.

– Мерри, в прошлом году каждая из сестер совершила путешествие в свое прошлое по завету приемного отца. Мне выпала честь наблюдать за тем, как они повзрослели и стали великодушными людьми, каждая на свой лад. – Георг тяжело сглотнул, явно стараясь совладать с эмоциями. – Все они пришли к осознанию, которое слишком поздно приходит к большинству из нас: жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на бессмысленные распри.

Я вздохнула и потерла глаза пальцами.

– Вы говорили, каким великим и мудрым человеком был Атлас. Если частица этой мудрости передалась от него ко мне, то, наверное, я должна воспользоваться ею. По вашим сло-

вам, Георг, Атлас хотел, чтобы я ознакомилась с его историей, как только меня найдут. Этим я сейчас и занимаюсь. Но мне хотелось бы, чтобы вы изготовили шесть копий этого дневника для других девушек, чтобы мы могли одновременно получать знания о нашем отце.

Георг смотрел на меня, и я представляла, как в его мозгу вращаются маленькие шестеренки. По той или иной причине он был исполнен решимости дословно исполнять указания Атласа. О чем он мне не рассказал?

– Да... да, это неплохая идея. Выбор за вами, Мерри.

– Хотя я полагаю, что поиски фотокопировальной лаборатории в Ницце в четыре часа утра могут оказаться непростой задачей.

– О, не волнуйтесь. «Титан» полностью укомплектован современным оборудованием. На борту есть специальный отсек с компьютерами и несколькими принтерами. И это прекрасно, так как в дневнике содержится... – Георг помедлил, подбирая следующие слова, – ...личная информация. Я не могу рисковать тем, что она попадет в дурные руки.

– Целый офис на борту яхты? Боже мой, а я-то думала, что шикарная яхта предназначена для всяких увеселений и отдыха от повседневных забот. Впрочем, я говорю «повседневных», но кто знает, что может означать это слово для владельца многопалубной яхты? Скажите, Георг, каким образом Атлас смог заработать такое огромное состояние?

Георг пожал плечами и указал на потрепанный дневник, лежавший у меня на коленях.

– Все ответы находятся внутри.

В дверь снова постучали, и в проеме появилось лицо стюарда.

– Прошу прощения за вмешательство, но капитан просит подготовиться к посадке. Будьте добры, пристегните ремни. Через несколько минут мы приземлимся в Ницце.

– Спасибо, разумеется, – кивнул Георг. – Что же, Мерри, тогда вам стоит на время передать дневник мне, и я распоряжусь изготовить шесть копий, как только мы окажемся на борту «Титана».

Я отдала ему дневник, но письмо оставила при себе. Георг широко улыбнулся.

– Обещаю, Мерри, вам нечего бояться.

– Спасибо, Георг. Увидимся после посадки.

Он исчез, а я снова посмотрела в иллюминатор. По мере спуска я видела, как первые лучи рассвета играют на ряби лазурно-голубого Средиземного моря. Я надеялась, что оно будет теплее, чем воды Атлантики на пляже Инчидони в Западном Корке. Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза и задумалась о том, как маленький осиротевший мальчик, найденный под забором в Париже, однажды стал моим отцом.

6

«Титан»

Алли смотрела на полированный потолок красного дерева, украшавший все каюты на борту «Титана». Само слово «каюта» для описания этого места казалось Алли забавным, так как она привыкла пользоваться им, когда делила жилое помещение с дюжими и потными мужчинами на борту двадцатишестифутовой «контессы»⁷. Спальни на борту «Титана» скорее напоминали президентский люкс в Гранд-отеле Осло. Судно тоже находилось в безупречном состоянии. Хотя яхта не использовалась членами семьи большую часть года, здесь оставалась верная команда Па Солта, моряки, которые поддерживали высочайшие стандарты качества. Алли предполагала, что их работа оплачивалась из фонда, учрежденного Па Солтом незадолго

⁷ «Контесса» – тип стеклопластиковой спортивной яхты длиной 26 или 32 фута, разработанный конструктором Дэвидом Садлером в середине 1960-х годов. (Прим. пер.)

до смерти. Как и многое в мире их приемного отца, такие вещи просто... случались, и Алли не ставила их под сомнение.

Солнечный луч проник через щелку в занавесках и упал на лицо Алли. Она гадала, сколько времени у нее остается, прежде чем плач Бэра в люльке у дальнего конца кровати возвестит о начале рабочего дня.

Было бы удивительно, если бы этой ночью ей удалось поспать больше получаса. Хотя тихая средиземноморская рябь в июне практически не вызывала качки, Алли настолько привыкла к ощущению воды под днищем судна, что чувствовала легкое касание каждой волны. Это, в сочетании с какофонией мыслей в голове, не способствовало здоровому отдыху. Ситуация, в которой Алли оказалась, сама по себе была довольно напряженной: ее сестры со своими любимыми собрались для того, чтобы официально почтить память отца. Но Алли предстояло согласовать еще множество других вещей.

В конце концов, именно она видела «Титан» у побережья Делоса вскоре после смерти Па Солта. У нее сохранилось яркое воспоминание о том, как она лежала на палубе «Нептуна», принадлежавшего Тео, и тот взволнованно сообщил, что его друг заметил со своего катамарана супер-яхту компании «Бенетти»⁸, название которой она знала с детства. У Алли в животе запорхали бабочки при мысли о возможности познакомить Тео с Па Солтом. Уже влюбленная по уши, она не видела смысла откладывать неизбежное. Алли радировала на «Титан», ожидая услышать знакомый размеренный голос капитана Ханса, но не получила ответа. Кто бы ни управлял яхтой, он явно принял решение уходить от Алли на полной скорости.

– Похоже, твой отец убегает от тебя, – заметил Тео.

Когда Георг и Ма уведомили сестер, что Па Солт завещал тайно похоронить его в открытом море (чтобы не причинять боли своим дочерям), Алли пришла к выводу, что она нечаянно столкнулась с похоронной церемонией. В сущности, она даже чувствовала себя виноватой из-за того, что нарушила последнюю волю отца. Однако с учетом недавних событий она начала сомневаться во всей этой истории.

Она вспомнила, что «Титан» был не единственным судном, стоявшим в тот день на якоре у побережья Делоса. Когда друг Тео радировал ему о «Титане», он упомянул о втором «плавучем дворце», стоявшем поблизости. Это была яхта «Олимпия», принадлежавшая печально известному Кригу Эсзу, владельцу «Лайтинг Коммуникейшенс». Еще более странным фактом были сообщения о смерти магната, которые появились в тот самый день и мелькали в заголовках газет по всему миру. Волны вынесли на берег его тело; очевидно, он совершил самоубийство. Алли вдруг испытала приступ тошноты. Почему она не изучила это событие более пристально?

И это была не единственная странность, как будто связывавшая Па Солта и Крига Эсзу. Координаты Мерри (которые были выгравированы на армиллярной сфере и лишь недавно обнаружены ее сестрами) указывали на Аргидин-Хаус в ирландском графстве Западный Корк. Несколько дней назад Алли узнала от Джека тревожную новость, что поместье принадлежало некоему Эсзу. Хотя здание давно стояло заброшенным, Эсзу числился его последним зарегистрированным владельцем.

То, что раньше казалось Алли нелепым совпадением, теперь вдруг обрело очертания зловещей тайны. Не было секретом, что Зед, сын Крига Эсзу, питал нездоровое пристрастие к сестрам Деппеси, граничившее с одержимостью. То, как он заманил юную Майю в свои объятия, благодаря привлекательной внешности и вкрадчивому обаянию, лишь для того, чтобы бросить ее, когда она больше всего нуждалась в нем, по-прежнему бесило Алли. Она часто думала, что Зед умышленно вознамерился причинить вред ее сестре. Алли не сомневалась в

⁸ Benetti – итальянская судостроительная компания, изготовитель многопалубных океанских яхт длиной от 37 до 110 метров. (Прим. пер.)

том, что «этот урод», как она язвительно отзывалась о нем, переключил свое внимание на Электру по заранее составленному плану. Несомненно, Зед рассчитал, что если кто-то из сестер Майи и примет его в качестве любовника после того, как он обошелся с ней, то это будет Электра. Для хищника его породы пристрастие к алкоголю было слишком соблазнительной уязвимостью. Было логично, что Тигги тоже оказалась у него под прицелом. Ее склонность видеть хорошее в каждом человеке в сочетании с тягой к духовным исканиям и раньше позволяла использовать ее в корыстных целях. Алли была чрезвычайно рада, что Тигги не поддавалась на обольщения Зеда и вместо этого нашла замечательного Чарли Киннарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.